

ISSN 0131-5994

POBEEHAK

11'92
НОЯБРЬ

В НОМЕРЕ:

Джонатан Понд. КАК ИЗБАВИТЬСЯ ОТ ДОЛГОВ	4
Линда Штерн. РАБОТА, КОНЕЧНО, НЕ ВОЛК, НО...	5
В. Симонов. КРАСОТКА «НАШИ ЧУВСТВА БЫЛИ ЧИСТЫ»	6
Джеймс Риджуэй, Беттина Мюллер. ВОЙНА НА ПФАРШТРАССЕ	8
СМОТРЕТЬ В ГЛАЗА И НЕ ВРАТЬ	10
Терри Биссон. МЯСО В КОСМОСЕ. (Диалог)	12
Мишель Пеллетье. ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ	13
Уильям Шерман. «КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ» НА СЛУЖБЕ И ДОМА	14
РОК-ЭНЦИКЛОПЕДИЯ «РОВЕСНИКА»	17
Легз Макнил. О ЖЕНСКОМ «МЕТАЛЛЕ» ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО...	19
ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ....	22
Стефан Цвейг. СМЯТЕНИЕ ЧУВСТВ	24
Штефан Райснер. ЖЕВАЧКЕ-БОЙ!	28
Анна Куиндлен. ВОЗВРАЩЕНИЕ СВЕТЛЯЧКОВ	29
П. Вагина. ЯСТРЕБОК	31
ВИДЕОКЛУБ	31

На первой странице обложки: Ансл Роуз из группы «Ганз Н' Роузиз».

РОВЕСНИК 11'92

МЕЖДУНАРОДНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

Учредители:

Журналистский коллектив редакции АО «Молодая гвардия»

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, С. В. ЖУРАВЛЕВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, В. Б. МИЛЮТЕНКО, В. П. МОШНЯГА, Н. Н. РУДНИЦКАЯ, Э. М. САГАЛАЕВ, В. Г. СИМОНОВ, И. А. ЧЕРНЫШКОВ (зам. главного редактора)

Художественный редактор Т. Н. Филипповская
Технический редактор М. В. Симонова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны: 285-89-20 — для справок, 285-80-62 — отдел писем. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник. Сдано в набор 12.10.92. Подписано в печ. 28.10.92. Формат 84x108^{1/16}. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,44. Уч.-изд. л. 5,2. Зак. 2094.

Ордена Трудового Красного Знамени акционерное общество «Молодая гвардия». Адрес АО: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Суцевская ул., 21.

СВОЙ ПЕРВЫЙ САКСОФОН КЭНДИ ДАЛФЕР получила от отца — джазового музыканта — в семь лет. Сейчас ей двадцать два, и ее музыкальная карьера, начавшаяся в родном Амстердаме, выглядит как карьера завидного рок-старца: она уже играла с «Юритмикс», Принцем и «Пинк Флойд», а также выпустила сольный альбом «Саксуальность». И хотя музыкальные журналы щедро окрестили ее «сакс-символом», она с удовольствием согласилась бы на менее громкое звание: «Я не очень-то нравлюсь парням — и верно, кому может понравиться девушка с вечно надутыми щеками?»

КАКИХ ТОЛЬКО ЛЕГЕНД ВОКРУГ СОСОК НЕ ХОДИЛО — и зубы они портят, и характер, и едят из-за них дети плохо, и вообще подавиться могут и т.п. Но последние исследования специалистов сняли грех с родительских душ: соску сосать не вредно, соску сосать полезно. Остался лишь один напряженный момент: как уговорить отпрыска отказаться от соски в соответствующее время? Умные датчане придумали выход — «Дерево сосок». В каждом городе стоит такое дерево, на которое дети самолично привязывают свое изжеванное сокровище. Рядом плакат: «Городские власти предупреждают против поспешных решений» — благо, принявшие решение еще читать не могут...

Мы все как-то уже привыкли думать, что хуже, чем у нас, и быть не может, а вот где-то «там»... Ну, если и не совсем, чтобы хорошо, то все равно лучше. Только и «там» не всегда сладко бывает, и «там» у людей случаются не только личные кризисы, но и кризисы социальные, экономические; мы постоянно твердим о грядущей массовой безработице у нас, и совсем забываем прежние разговоры о том, что у них тоже есть безработица, нам эти разговоры как-то даже сейчас и неприятны. А «им» их тоже приходится вести, и сейчас, когда наметился очередной экономический кризис, очередной спад производства, люди тоже сталкиваются и с вероятностью увольнений и сокращений, и со снижением личных доходов. Однако популярные зарубежные издания не ограничиваются общими рассуждениями по этому поводу, а дают вполне конкретные советы: что нужно делать, чтобы в случае сокращений именно тебя не уволили или сокращали в последнюю очередь; что нужно делать, если влез в долг, и как этих долгов в дальнейшем избегать.

КАК ИЗБАВИТЬСЯ ОТ ДОЛГОВ

Джонатан ПОНД,
американский журналист

Естаси начала работать в 1986 году стажером в банке. Ей казалось, что зарплаты в 23 тысячи долларов в год хватит на всю оставшуюся жизнь. Она покупала шикарные тряпки и, обедая с подругами, небрежно выписывала чек. Через некоторое время она стала получать извещения о том, что превышает свой банковский кредит¹, однако очередное перечисление легко улаживало все проблемы.

Стаси продолжала спокойно и с упоением тратить денежки, и не видела причин изменять своим привычкам, пока компания из-за определенных финансовых неурядиц не заморозила зарплату и служащие лишились очередных прибавок. Теперь почтовый ящик Стаси был набит не вежливыми извещениями, а полными угроз письмами рассерженных кредиторов. Стаси захлестнули долги.

И Стаси не одинока. Со всяким такое может случиться — и, порой, вовсе не потому, что вы патологический «растратчик»: ваша компания или предприятие могут обанкротиться, или инфляция вдруг превысит все мыслимые темпы, или еще что-то в этом роде. Но не поддавайтесь панике. Вместо этого попробуйте воспользоваться способами, изложенными ниже, однако помните: если эти меры покажутся вам крутыми, то потому, что они именно таковы. Ничего не получится, если вы будете щадить себя. Итак, сделайте глубокий вдох и ... за дело: учитесь выбираться из долгов, независимо от их величины, и бросайте свои дурные привычки.

Посадите расходы на суровую диету

Денечки, когда ваши доходы превышали расходы, кончились. И поэтому нечего увеличивать количество долгов. Лучше задайте себе пару нелицеприятных вопросов, например: а нужен ли мне на самом деле новый костюм? И может быть, лучше починить старые ботинки?

Если вы не видите вариантов снижения ваших расходов, то это означает лишь одно: вы плохо смотрели.

Двадцатисемилетний Джон, рекламный агент, неожиданно обнаружил, что может сэкономить больше 75 долларов в неделю, пользуясь общественным транспортом вместо машины (бензин нынче дорог!) и беря бутерброды из дома. Если вы подсчитаете, сколько в месяц тратите на обеды на работе, вы впадете в шок, потому что сумма равна или даже выше вашей квартплаты (которая, кстати, «там» все еще многократно выше нашей. — *Ред.*).

Еще один совет: полностью исключите такие расходы, как покупка лотерейных билетов. Лотерея — не что иное, как налог на глупость. С тем же успехом можно выбросить эти деньги в печку: по крайней мере, согрелись бы.

Ни шага без учета

Если вам раньше никогда и в голову не приходило составлять смету своих расходов и доходов, то теперь настало время заняться этим вплотную.

Прежде всего запишите свои прошлые доходы и расходы, набросайте список будущих на ближайшее время. Ни в коем случае не рассчитывайте на прибавку к зарплате. Проанализировав счета, вы сможете воочию убедиться, что излишние расходы, скажем, на Рождество или то, что вы постоянно забываете выключать свет в ванной (как бы противны ни были эти напоминания самим себе), лишили вас одного хорошего платья или даже поездки на пару дней на курорт.

Кстати, никогда не покупайте продукты на голодный желудок — непременно купите больше, чем требуется. Старайтесь покупать только то, что наметили, лучше — по списку.

¹ Зарботок служащих американских предприятий перечисляется в банк, и уже банк через систему чеков и кредитных карточек оплачивает все расходы клиента. — *Прим. ред.*

Новаторский подход к увеличению доходов: дерзайте!

Дополнительно к «диете расходов» вы можете увеличить свои доходы. Работа по совместительству даже раз в неделю может покрыть часть расходов на питание. Если вы сидите с детьми дома, поищите надомную работу, которую могли бы выполнять, уложив малышек спать. У вас есть свободная комната? Превратите ее в дополнительный источник доходов — сдавайте!

Короче, вспомните старую истину: время — деньги. То есть, потратив дополнительное время, можно заработать дополнительные деньги. И не бойтесь усталости: от мыслей о долгах и отсутствии денег устаешь куда больше.

Очередность в уплате долгов — это очень важно

У вас много долгов, вы не уверены, что сможете погасить их вовремя — тогда разработайте план. Прежде всего выделите самые срочные, посчитайте грядущие обязательные расходы, введите «коэффициент опасности» — на случай всяких непредвиденных трат — и вперед! Платите постепенно, поэтапно. Но помните, что, упустив срок оплаты важного счета, вы можете оказаться без электроэнергии и телефона.

Не бегайте от кредиторов

Ни при каких обстоятельствах не прячьтесь от звонков и писем кредиторов. Опередив кредитора, позвоните ему сами, объясните ситуацию и наметьте четкий план выплаты долга. Вы будете удивлены: отнюдь не все кредиторы склонны приставлять нож к горлу, и если им честно все объяснить, люди бывают скорее склонны согласиться с вашим предложением. Они понимают, что вы искренне хотите справиться с ситуацией, а не пытаетесь увильнуть.

Будьте осторожны в выборе легких решений

Можно, конечно, взять заем, ссуду под проценты, с тем, чтобы оплатить «горящие» долги. Однако возмещение такой ссуды может еще крепче затянуть долговую петлю. И не забывайте об инфляции.

В «книге жизни» остановитесь на сегодняшней главе, пока ситуация еще не безнадежна

Только в 1991 году в США 1 миллион человек попали в число банкротов, а отметка о банкротстве останется в банковских документах на десять лет. Результат очевиден: долгие годы вам будут отказывать в кредите. Это касается и ваших друзей: если вы не отдаете деньги в срок и всеми правдами и неправдами избегаете встреч с ними, то какой здравомыслящий человек захочет иметь с вами дело?

Берегите себя

Однажды выбравшись из долговой ямы, старайтесь больше туда не попадать. Не одалживайте лишний раз, даже если ваша карьера развивается успешно и соответственно увеличивается зарплата. Вы уже знаете, что такое финансовое, не говоря уж об эмоциональном, напряжение. Так зачем же мучить себя снова?

РАБОТА, КОНЕЧНО, НЕ ВОЛК, НО...

Двадцать способов сохранить работу в период сокращений

Линда ШТЕРН,
американская журналистка

1. Осваивайте компьютер

Если вы тот самый человек, к которому все бегут, когда экран компьютера гаснет, то вам цены нет. Порой знание новой техники может оказаться для вашего шефа гораздо важнее, чем то, за что вас вообще взяли на работу. Вот, например, Чикагский музей перешел от старой, бумажной, системы документации к компьютерной. Единственным человеком, пожелавшим научиться работать на нем, была появившаяся здесь совсем недавно Анджела. Прошло три месяца, и музей из-за финансовых проблем вынужден был пойти на сокращение штатов. Как правило, в таких случаях предпочитают сохранять старых, проверенных работников, однако директор оставил Анджелу, а уволил более опытного, но остерегающегося всего нового сотрудника.

2. Перешагните границы

Рамки экономической и торговой деятельности стран постоянно расширяются. В недалеком будущем партнерами вашей компании могут стать японцы, камбоджийцы, немцы или испанцы. Те из вас, кто интересуется культурой этих народов, имеют шанс выдвигаться. Изучайте языки, положение в деловом мире этих стран — и вы станете незаменимым сотрудником.

3. Влезайте в работу по уши

Это было и остается способом номер один, чтобы не потерять работу. Если, скажем, вы работаете в юридической или посреднической конторе, то не упускайте возможности сделать ей рекламу среди своих друзей и знакомых. Всевозможными способами ищите для своей компании потенциальных клиентов.

4. Создавайте свой архив

Необходимые записи, адреса нужных людей, вся информация, которая может неожиданно пригодиться в работе — вот ваш «спасательный круг». Как только наберется достаточное количество полезных данных, составьте докладную записку для тех, кто может быть в этом заинтересован. Или, например, вы видите, на чем можно сэкономить время, — поделитесь этим наблюдением с коллегами. Придет время, когда будут рассматриваться новые ставки и возможности повышения, и ваша работа вам зачтется.

5. Всегда говорите «да»

Беритесь за все: рискуйте и пытайтесь делать то, что, вроде бы, выше вашего профессионального уровня. Но не задирайте нос и не считайте оскорблением приготовить чашку кофе, если вас попросил шеф. Самый короткий путь вылететь со службы — сказать: «Это — не моя работа».

6. Умейте сделать красивый жест

Если вы рассматриваете фирму не только как источник личного благосостояния, если готовы в моменты кризисов помочь собственным временем и отказаться от оплаты за сверхурочные — ваш шеф будет знать, что вы не оставите компанию в тяжелую минуту, а, наоборот, постараетесь поддержать.

7. Помните: хорошие идеи могут прийти в голову не только вам

Постоянно читайте профессиональные издания — газеты, журналы: вы всегда будете в курсе событий и сможете набрести на интересные идеи. Составляйте свое собственное досье из вырезок: если вам попадется статья о потенциальном клиенте или конкуренте, познакомьте с ней сослуживцев и начальство.

8. В общении с людьми будьте приятны и обходительны

Это сказки, будто милые люди финишируют последними. Иэн Яджер, автор книги «Протокол бизнеса: как выжить и преуспеть в бизнесе», подчеркивает, что деликатный, дружески настроенный работник создает вокруг себя атмосферу благожелательства, хорошо влияющую на окружающих. Такой человек пользуется их доверием и поддерживает дух коллективизма и товарищеской взаимовыручки. А вы не хотели бы стать таким же?

9. Хорошо бы знать и уметь кое-что, чего не знают и не умеют другие

Лэри была секретаршей, подшивала бумажки, пока шеф не обнаружил, что она свободно владеет испанским. Теперь бумажки подшивают другие, а Лэри переводит юридические документы для испаноязычной клиентуры. Ваши скрытые способности — будь то знание языка, техники или искусства — может быть, как раз то, что и требуется вашей компании.

10. Работа не только «от и до»

Если вас будут заставлять на рабочем месте и рано утром, и поздно вечером, это не останется незамеченным. Шефу не захочется внести вас в список на увольнение, если он сам вкалывает допоздна и, уходя, видит вас на рабочем месте.

11. Берегите нервы. Особенно своего начальника

Многие терпят неудачу в карьере только потому, что не могут избавиться от дурной привычки стучать пальцами по столу, то и дело покашливать, прочищая горло, или нервно подпрыгивать ногой. Такие привычки делают вас в глазах окружающих ненадежным, беспокойным человеком, которому есть что скрывать. Вы на самом деле можете быть совсем другим, но ваше поведение неприятно действует на нервы и начальству, и сослуживцам.

12. Одевайтесь хорошо, но не броско

Опыт показывает, что те, кто одевается более броско, чем это требуется по работе, просто-напросто напрашиваются на раздражение и недовольство окружающих. Успех сопутствует тем, кто одет аккуратно и со вкусом.

13. Не забывайте напоминать о своих заслугах, но будьте дипломатом

Хвастунов никто не любит, но вы можете тонко отметить свой славный труд. Если вы закончили большую и сложную работу, должным образом дайте об этом понять начальству. Если вам удалось сэкономить для компании деньги, сообщите об этом шефу тет-а-тет, но ни в коем случае не в присутствии своих коллег.

14. Делайте то, о чем никто больше не хочет беспокоиться

Свежий взгляд со стороны поможет вам, например, сократить внутрипроизводственные расходы (пусть даже экономя скрепки). Подробно разузнайте о программах поощрений в вашей отрасли и выясните, сможете ли вы получить под это какие-то ассигнования для вашей фирмы.

15. Конкурентов надо знать в лицо

Знакомьтесь с людьми из аналогичных компаний и организаций: у вас появится возможность выяснить, что происходит у конкурентов, к тому же это облегчит вашу собственную работу, потому что вы установите внешние контакты.

16. Спокойная манера поведения — прежде всего

Бывает, люди внушают доверие только благодаря своей уверенной манере держаться. Выработайте у себя привычку говорить спокойно, не торопясь, не поддаваться панике перед лицом сложных обстоятельств. И окружающие захотят держаться к вам поближе: в вашем присутствии они чувствуют себя увереннее.

17. Поддерживайте своего шефа

Начальство всегда должно выглядеть достойным образом в глазах подчиненных, и если вы ему в этом поможете, оно будет стараться опереться на вас. И каким бы на самом деле ни был ваш шеф, помните, что «короля играет свита»: имидж вашего шефа — это имидж компании. Не считайте лишним сказать о начальнике доброе слово перед конкурентами или вышестоящим руководством.

18. Заботьтесь о чистоте и порядке

Помните, что вы проводите на работе почти столько же времени, что и дома. Следовательно, не позволяйте себе разводить грязь и беспорядок — дома же вы этого не делаете!

19. Оставьте дома домашние проблемы

Не тащите с собой на работу дурное настроение и домашние проблемы — никому не хочется работать рядом со злобным и раздражительным человеком.

20. Занимайтесь своим делом и не нервничайте

Вы сделали все, что могли, чтобы стать незаменимым, а теперь расслабьтесь. Если же вы все-таки остались без работы, знайте — это не ваша вина! А вы можете оказаться большим подарком для другой фирмы!

Перевела с английского Н. ХРОПОВА

КРА- СОТ- КА

В. Симонов

Эй дорисовали черты, присущие великим, за нее придумали всю жизнь, пропустив мимо ушей ее простые, бесхитростные ответы, ее назвали новым секс-символом. Зачем? Ну, если нет, просто нет сейчас звезд такой величины, как Мэрилин Монро и Софи Лорен, — но очень хочется, чтобы они были, — тогда в одночасье огромной звездой становится и такая маленькая звездочка, как Джулия Робертс.

Она считала себя гадким утенком, на школьных вечеринках запиралась и плакала в туалете: никто из мальчишек не хотел с ней танцевать. У нее был слишком большой рот.

— У вас прекрасный чувственный рот, Джулия. Вы знаете, что вас называют «Губы 90-х»?

— (Смеется.) Мне бы такое в голову не пришло!

Да, теперь все ее маленькие недостатки просто очаровательны.

— Джулия, вы так мило выговариваете слова...

— Мне это дается с трудом. Когда я впервые приехала в Нью-Йорк, все говорили: «Вы наверняка с Юга?» Я-то не слышала своего дикого акцента. Я стала брать уроки дикции: «Кот. Крот. На дворе растет трава». В кино с южным акцентом делать нечего.

Иногда она перекрашивает волосы в другой цвет.

— Джулия, вы готовитесь к новой роли? Ищете новый образ? Почему же вы это сделали?

Она пожимает плечами: надоело ходить блондинкой, превратилась в брюнетку, потом взяла и стала рыжей. Почему это нужно объяснять? Объяснение находится и без ее помощи: Джулия Робертс — очень эксцентричная особа!

Говорят, что режиссерам приходится наниматься с ней, как с фарфоровой куколкой.

— Нет, мне вовсе не требуется, чтобы все ходили вокруг на цыпочках, боясь ранить мои чувства. Просто я не хочу, чтобы со мной обращались грубо. Если я играю плохо, лучшее, что стоит мне сказать: «Ты играешь плохо», — вот и все.

В отличие от многих знаменитых актеров Джулия Робертс не занимается ни благотворительной, ни общественной, ни политической деятельностью. Ей безразличен ее собственный имидж?

— Напротив! Верно, я никогда не говорю о политике. Я чувствую, что подобные вещи ставят некую преграду между актером и зрителем. Джейн Фонда — прекрасная актриса, но когда я вижу ее на экране, я не могу отвязаться от мысли: какая большая она общественная деятельница. Я считаю, что задача актрисы — заставить зрителя полностью забыть в кино.

Что бы она ни говорила, аполитичность Джулии Робертс вполне соответствует образу, созданному американской печатью. Джулия Робертс — новый секс-символ Америки.

— Хотите я расскажу вам нечто забавное о своей сексуальности? Как-то с под-

ругами едем в автомобиле, и я говорю: «Я вполне могу прожить без секса. Могу, и все». Сразу наступила полная тишина, и через минуту одна из подруг сказала: «Даже если можешь, то зачем?»

Конечно, я чувствую вокруг себя эту атмосферу сексуальности, но не собираюсь подыгрывать... Например, если в съемках фильма занято десять мужчин, мне все равно, считают ли они меня сексуальной. Просто я хочу сыграть свою роль как можно лучше.

В фильме «Красотка», принесшем Джулии Робертс мировую славу, ее проститутка столь же далека от реальной, как и сказочная Золушка от девчонки из Гарлема.

— Я поняла, что все они мечтают о прекрасном будущем. Я встречалась с проститутками. Поначалу они были грубы и не хотели со мной разговаривать, но я пригласила их в ресторан. Они вели себя очень мило и с удовольствием рассказывали о себе.

— Ваша героиня Вивиан одевалась довольно эротично. Как вы чувствовали себя на Голливудском бульваре в той безумной мини-юбочке?

— О, мне пришлось туго! Я знаю, как вести себя, когда проявляют интерес к Джулии Робертс, но интерес к Вивиан, стоящей на Голливудском бульваре в таком виде, был совсем не тем, к которому я привыкла. Одежда Вивиан была в тысячу раз эротичнее всего, что я привыкла носить. При любой возможности я старалась улизнуть в свой фургон и там пряталась... Когда Вивиан грубо ругалась, я краснела до самых ушей.

— Расскажите, как прошли съемки вашей первой любовной сцены?

— Я так испугалась, словно мне снова было двенадцать лет и я никогда не целовалась. Я пряталась в своем фургоне. Мне хотелось отказаться от съемок. Я позвонила маме, потом отказалась сниматься, потом снова позвонила маме... Я все-таки снялась — и все прошло гладко.

В личной жизни Джулия Робертс тоже мало похожа на секс-символ. Но каждый ее новый партнер по фильму пользуется повышенным интересом у журналистов. Независимо от ответов актрисы его считают очередным любовником Джулии.

— Ведь вы с ним встречаетесь?

— А с кем еще мне встречаться? Мы вместе по двадцать часов проводим на съемочной площадке. Кого еще я могу узнать лучше? Может быть, за три месяца съемок пару раз и выберемся куда-нибудь вместе, что из того?

Однажды она действительно влюбилась в партнера по фильму, актера Кифера Сазерленда, и призналась журналистам, что мечтает о свадьбе. Узнав об этом, Сазерленд грубо обругал ее на людях и порвал отношения. Обычная ситуация: с одной стороны, женщина, думающая, что любовные признания мужчины логически должны привести к браку, с другой, мужчина, предпочитающий ни к чему не обязывающие любовные интриги серьезным отношениям. Возможно, Сазерленд, как и все зрители, увидел в Джулии Робертс секс-символ, а

она оказалась самой обычной женщиной, мечтающей о семье и детях. Однако в американских журналах появилось множество красивых версий причин разрыва.

— Странно читать эти романтические истории про себя. Кому они нужны? Есть от чего взбеситься. Семь лет твоей жизни запихнули в пять предложений, словно вся она — один безумный уик-энд. Сначала я плакала, потом решила: не позволю, чтобы сплетники взяли над мной верх.

— Если бы вам пришлось спастись из горящего дома, что из личных вещей вы взяли бы с собой?

— Письмо отца. Единственное его письмо, которое я умудрилась не потерять в детстве. Если бы у меня забрали это письмо, я была бы уничтожена. Оно ни для кого ничего не значит, но я могу перечитывать его по десять раз на дню и каждый раз находить нечто новое.

Джулия Робертс родилась в маленьком городке Смирна, в Джорджии, с населением в тридцать тысяч человек, которые гордятся, что она выросла здесь. И душа Джулии Робертс, наверное, по-прежнему в доброй провинции, где еще верят в старые ценности.

— Иногда я от всего так устаю, что

хочу вернуться в родной дом, читать и ухаживать за садом. Кажется, больше ничего и не нужно.

— А кино? Большие цели в жизни?

— Да, у меня есть цели в жизни. Они очень простые, но их очень трудно достичь. Я хочу иметь семью, растить детей, любить и быть любимой. Все это гораздо важнее любого кино. Фильмы приходят и уходят, а семья остается... Я поняла, что успех не имеет никакого отношения к личной жизни.

В Париже состоялось представление нового сборника песен Йоко Оно «Оно Бокс». Французский журналист Жан-Клод ЗАНА взял интервью у вдовы Джона Леннона.

«НАШИ ЧУВСТВА БЫЛИ ЧИСТЫ»

ЗАКРЫЛИ ЛИ ВЫ НАПРОЧЬ ДВЕРЬ ПРОШЛОГО?

— А разве я чем-то отличаюсь от других людей? Невозможно уйти от прошлого, только безумцы забывают о нем. Прошлое, мое прошлое, — оно живет во мне, но я не оглядываюсь назад. Я иду вперед, я всегда шла только вперед.

— ВЫ НЕ РАЗОЧАРОВАЛИСЬ В ФИЛОСОФИИ ЛЕННОНА?

— В жизни я опираюсь на любовь и веру. А эти чувства основываются на понимании. Без него они не могут существовать. Главное в моей жизни — понимание, это именно то слово, которое для меня в жизни ключевое, поэтому разочарования я не испытываю.

— ДЖОН ЛЕННОН СТАЛ ЛЕГЕНДОЙ. ЧТО ДЛЯ ВАС СЕГОДНЯ ПАМЯТЬ О НЕМ?

— Память о Джоне, естественно, никогда и не покидала меня. Я никогда не пыталась изгнать ее. Джон вокруг меня, передо мной, во мне. Я живу вместе с ним. Я не чувствую себя одинокой, потому что он сопровождает меня повсюду.

— ЧТО ЗА ПАРА БЫЛИ ВЫ И ДЖОН?

— Прежде всего мы любили друг друга, очень страстно любили. Мы были не просто мужем и женой, но друзьями, и даже сообщниками. Мы одинаково чувствовали.

— КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ЧТО ВЫ ДАЛИ ДЖОНУ В ЖИЗНИ И ЧТО ОН ДАЛ ВАМ?

— Джону я дала самого Джона, и он мне отдал себя. Поясняю: со мной он обрел свое же тождество. Я создала вокруг него такую обстановку, такую атмосферу, в которой он мог быть самим собой и чувствовать себя свободным, естественным и непринужденным. Каждый раз, когда я видела его, я чувствовала и в себе небывалый подъем.

— КАКИМ БЫЛО ЕГО ПЕРВОЕ ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ? И ПОСЛЕДНЕЕ?

— Видите ли, он выражал свою любовь не столько словами, сколько взглядом. Не было дня, чтобы он не дал почувствовать мне, что любит меня. Даже когда он умер — и тогда по выражению его лица было видно, что он меня любит. Наши чувства были чисты. Это была магическая связь.

— ВЫ ОБЩАЕТЕСЬ С ОСТАЛЬНЫМИ МУЗЫКАНТАМИ «БИТЛЗ»?

— Да, мы контактируем. Все вместе мы основали вполне преуспевающую фирму «Apple».

— ЧЕМ ЗАНИМАЕТСЯ ДЖУЛИАН, СТАРШИЙ СЫН ДЖОНА ЛЕННОНА ОТ ПЕРВОЙ ЕГО ЖЕНЫ? ЖИВЕТ ЛИ ОН ВОСПОМИНАНИЯМИ О СВОЕМ ОТЦЕ?

— Он живет своей жизнью. Джулиан самостоятельный молодой человек. Он сочиняет песни, и у него есть музыкальные способности. У него свой собственный стиль, своя форма самовыражения, собственное творчество. Но какой сын может забыть отца?

— ВАШЕМУ СЫНУ ШОНУ 16 ЛЕТ. ЧЕМ ОН ХОЧЕТ ЗАНЯТЬСЯ? И КАКАЯ ВЫ ДЛЯ НЕГО КАК МАТЬ?

— Я не навязываю ему своих суждений, понятий и впечатлений об отце, он уже выработал свое собственное мнение. Я не являюсь для него матерью-курицей, потому что я мать, занятая своей работой. Правда, это не мешает проявлению чувств с моей стороны. И все же, я не старалась контролировать его жизнь, следить за ним; напротив, я всегда старалась держаться так, чтобы у него было как можно больше самостоятельности и чтобы он имел свой образ мыслей. Моя свобода заканчивается там, где начинается его свобода. Я уважаю его свободу. Я не знаю, чем он будет заниматься потом. В данный момент, как и у Джулиана, в нем берет верх музыкальное дарование, и он тоже сочиняет песни. Он превосходно играет на пианино и на гитаре. Три последних года он посещал колледж Розэ в Швейцарии. Сейчас он учится в Нью-Йорке. Шону понравился его европейский опыт, но он понял, что ему нужно возвратиться к своей обычной жизни, к своим корням. Я внимательно отношусь ко всем его требованиям и вкусам. У нас с ним полное взаимопонимание и взаимоуважение.

— КАКИМ ОТЦОМ БЫЛ ДЖОН ДЛЯ ШОНА?

— Он был родным и близким человеком для своего сына. Видя их вместе, можно было сказать, что это два приятеля, два на-

стоящих друга. Они никогда не разговаривали между собой на повышенных тонах. Пожалуй, Джон был для него не только отцом, но и матерью, я в те годы большую часть времени работала за границей.

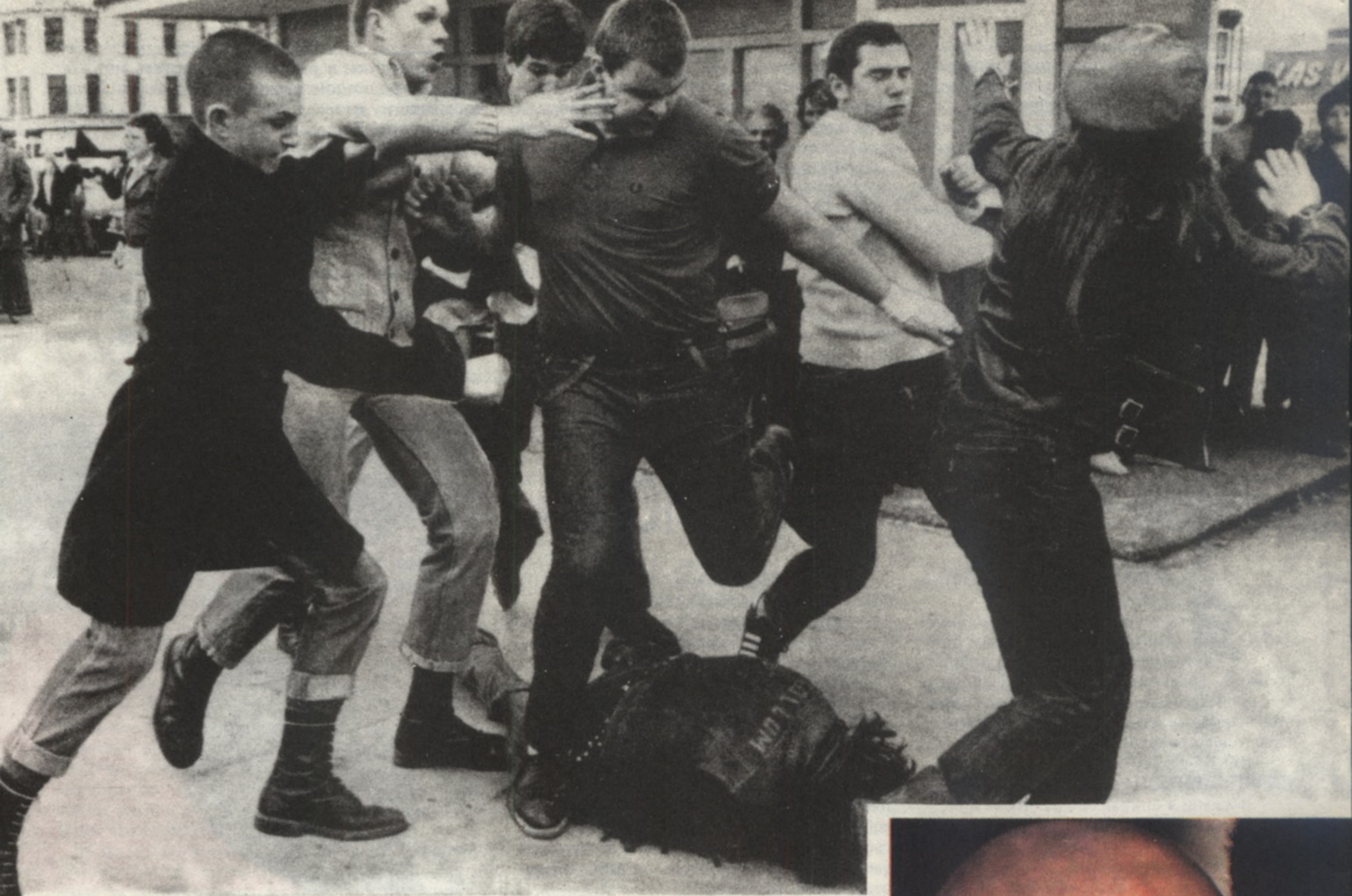
— НЕ ВОЗНИКАЛА ЛИ У ВАС МЫСЛЬ НАПИСАТЬ КНИГУ О ДЖОНЕ?

— Я подумаю об этом. Но я не знаю, когда такая книга появится на свет.

— А ПОЧЕМУ ВЫ ВСЕГДА НОСИТЕ ЭТИ, ИЗВИНИТЕ, УЖАСНЫЕ ЧЕРНЫЕ ОЧКИ?

— Однажды, когда я и Джон записывали «Двойную фантазию», мы зашли в магазин, чтобы купить очки. Он выбрал именно эти, нацепил их на меня и сказал: «Ты будешь их носить. Тебе в них хорошо». Дома я их положила в ящик стола и забыла про них, потому что и не думала их носить, мне показалось, что они слишком большие для меня. Когда Джон умер, я должна была со стойкостью выдерживать присутствие и беседы журналистов, а глаза у меня были все время красные от слез. Я нашла те самые очки и вспомнила те слова, что произнес тогда Джон. Я не знаю, сознавал ли он в то время, что подразумевал под этими словами. Когда я ношу эти очки, я чувствую себя хорошо. Когда они станут для меня неудобны или если они будут меня смущать каким-либо образом, я сниму их.

Перевела с французского Эва ГРАСИС

ВОЙНА НА ПФАРШТРАССЕ

Берлин. Густой полуденный свет струится с крыш города, некогда называвшегося Восточный Берлин. Вдруг слышится дикий крик, потом грохот, звон разбившегося стекла.

Парень в черной кожаной куртке, в больших черных ботинках лезет через забор. Парень наголо обрит, на затылке вытравлена свастика. Судя по всему, это «скинхед» и наверняка, как все «бритоголовые» в мире, человек крутой, любит пиво и крепкую драку, ненавидит ниггеров и евреев, и вообще иностранцев, смешавшихся с его народом, чтобы осквернить «чистоту арийской расы».

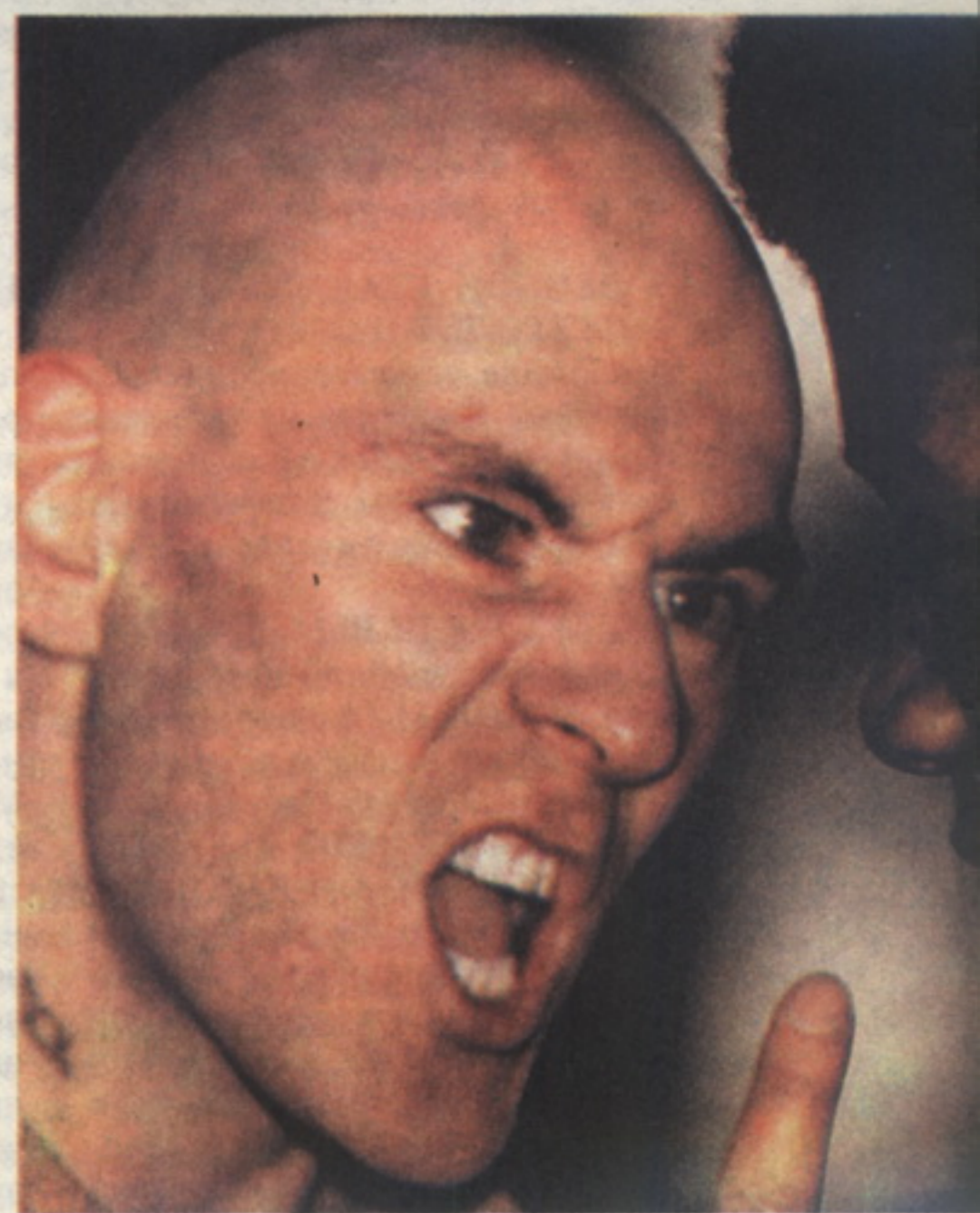
Как и положено «скинхеду», юноша корчит жуткую рожу и с воинственным криком спрыгивает во двор заброшенного дома. По-видимому, сейчас будет драка, и какого-нибудь бедного гастарбайтера из Турции изобьют до полусмерти. Но «скинхед» набрасывается на припаркованные под домом автомо-

Джеймс РИДЖУЭЙ,
Беттина МЮЛЛЕР

били и железным прутом крошит лобовые стекла.

Дом оказывается вовсе не таким заброшенным, как выглядит на первый взгляд: там кто-то есть. Из окна второго этажа в «бритоголового» летит бутылка с зажигательной смесью, падает на газон и ... не взрывается.

Двор быстро заполняется другими «скинхедами», они намерены штурмовать дом. Враги, засевшие в нем, как ни странно, не негры, не евреи, не турки, а тоже арийцы, тоже немцы. Они представители другого молодежного племени — бездомные музыканты, художники, студенты и просто юные бездомные — «сквоттеры», что в дословном переводе означает «незаконно поселившиеся на незанятой земле». Эти люди, заселившие пустующий дом на Пфарштрассе, что всего в двух остановках на метро от того места, где когда-то стояла Стена, называют себя

«автономы», то есть они вне общества и его цивилизации.

В отличие от «скинов» — уроженцев бывшей ГДР, — по журналам и фильмам перенимавших внешний вид и манеры у западных «бритоголовых», эти «сквоттеры» подлинные, они сами с Запада, где им не раз приходилось держать оборону от полиции еще в те времена, когда эти «скинхеды» не были

«скинхедами», а имели аккуратные стрижки, были интернационалистами и членами немецкого комсомола, а 7 октября шли с транспарантами на праздничную демонстрацию в честь провозглашения независимой ГДР. Когда рухнула Стена, «сквоттеры» решили заселить пустующие дома в Восточном Берлине, что очень не понравилось местным «скинхедам».

Теперь «стена» проходит по Пфарштрассе. В отличие от той, железобетонной, она незрима, но вполне осязаема, эта стена ненависти. Между «сквоттерами» и «скинхедами» за Пфарштрассе идет настоящая война.

Пока эта война идет только на Пфарштрассе, но «стена» ненависти разделяет всю объединенную Германию.

С тех пор как ГДР перестала быть независимым государством и превратилась в некие Германские Аппалачи, жизнь на востоке переменилась: вместо усредненного достатка — всеобщая бедность, вместо полной занятости — растущая безработица, вместо государственного обеспечения — шиш. Восточные немцы, предполагавшие, что после объединения будут жить не хуже, чем на Западе, теперь видят, что за ту же работу «там» платят вдвое больше, чем «здесь». В восточной части Германии стали очень популярны крайне правые партии, обещающие восстановить справедливость простым и быстрым способом: изгнать иностранцев, занимающих рабочие места немцев, прекратить благотворительную помощь нищим странам и возродить национал-социализм. Многим молодым немцам на Востоке нравится такой подход. Они не желают ждать, пока жизнь нормализуется. Десятки тысяч подались в «скинхеды», став штурмовиками крайне правых сил. Презирая прошлое своих отцов, они мечтают о Великой Германии — какой она была при Гитлере.

Что же касается «сквоттеров», пришедших с Запада, то у них нет иллюзий о легкой богатой жизни, в отличие от подростков, живущих на Востоке и чувствующих себя изгоями среди недоступных витрин. К тому же они достаточно умны, чтобы понять, что такое фашизм.

События во дворе дома, занятого «сквоттерами», продолжают разворачиваться. Проходивший мимо анархист застигнут врасплох. Его окружает толпа «скинхедов» и хлещет телефонными кабелями по лицу. Он выглядит довольно жалко, пытаясь закрыться руками. Включается сигнализация, и полупустой дом содрогается от гулкого тревожного звона.

Звон стоит на весь квартал, но полиции все еще не видно...

Сам квартал на Пфарштрассе представляет собой странное, фантастическое зрелище, словно декорация из сюрреалистического фильма. Из каменных щелей торчат трубы, изрыгающие клубы пара, из окон свисают красно-черные анархистские знамена,

на стенах домов болтаются на ветру произведения «автоном-арта», сотворенные из старых игрушек Тома и Джерри, стоптанных башмаков и прочего мусора. Окна похожи на бойницы, откуда в любой момент может вылететь крылатая ракета; они защищены от камней и бутылок с зажигательной смесью проволочными матрацами; двери подъездов заколочены, завалены грудями металлолома и колючей проволокой на тот случай, если «скинхедам» вздумается пойти на штурм.

«Сквоттеры» — люди мирные, в основном художники, творящие в стиле пост-панк, и музыканты, предпочитающие спид-метал, но ситуация заставила их овладеть методами уличной войны. Из окон на «скинхедов» летят камни и бутылки с «коктейлем Молотова»¹, «летучие группы» «сквоттеров» возникают ниоткуда и молотят железными прутами зазевавшихся неонацистов. Бой в разгаре...

Мы сидим в пустой комнате на ободранных автомобильных креслах. Входят и выходят ребята с разбитыми лицами, им оказывается первая медицинская помощь. Мы знакомимся с Брайаном, американским «сквоттером», решившим поселиться в Германии. «Мы перебрались сюда полтора года назад, потому что здесь жизнь дешевле, — объясняет Брайан. — Но тут на нас навалились эти подонки. Они хорошо вооружены. Раньше они просто подходили под окна, бросали в них бутылки с зажигательной смесью и думали, что так им быстро удастся выкурить нас отсюда. Но теперь до нас не легко добраться. Мы можем продержаться сколько угодно, пока не приедет полиция».

Первая машина полиции лениво проезжает мимо места сражения. Полицейские смотрят сквозь стекла, как туристы...

По другую сторону «стены» на Пфарштрассе, исписанной лозунгами «скинхедов» и «автономов» — «Бойтесь нас!», «Здесь будет возрожден нацизм!», «Фашистские засранцы!» — высокий молодой парень с синяком под правым глазом руководит штурмом дома. Инго Хассельбах, лидер местных неонацистов. Едва машина полиции скрывается за поворотом, он приказывает запалить дом, и «скинхеды» разжигают костер прямо под заколоченной дверью.

Хассельбах вооружен ножом. Нож всегда при нем, как он объясняет, «исключительно в целях самообороны»...

Тут, наверное, стоит дать небольшой политический портрет вожака «скинхедов», штурмующих полуразвалившуюся пятиэтажку на Пфар-

штрассе. Его родители — журналисты. Он порвал с ними отношения: Хассельбах не простил им ложь, которую те были вынуждены писать во времена Хонеккера. В 87-м году он дважды пытался удрать из ГДР в Западную Германию, за что провел 18 месяцев за решеткой. Больше всего на свете Хассельбах любит встречаться с ветеранами нацистской партии, которые помнят славные дни при Адольфе Гитлере. Он поддерживает контакты с неонацистскими лидерами в других странах Европы и в США. Кстати, с американским Ку-клукс-кланом тоже, хотя в свое время именно Гитлер запретил деятельность Клана в Германии. Ирония ситуации ускользает от вожака «скинхедов».

Хассельбах считает, что нацистского геноцида не было. Он не имеет ничего против иностранцев, приезжающих в Германию, скажем, на время учебы, чтобы потом вернуться назад домой. Что касается всех остальных, то он будет выкуривать их из страны так же, как этих несчастных мусорщиков, забаррикадировавшихся в осажденном доме.

Да, начиная с 91-го года насилие над иммигрантами и беженцами в бывшем ГДР становится привычным явлением: гражданин Мозамбика выкинут из вагона поезда; «скинхеды» врываются в квартиру и избивают вьетнамку, находящуюся на седьмом месяце беременности; другую вьетнамскую женщину убивают ножом; политический беженец из Ганы облит бензином и сожжен заживо; банда из 50 неонацистов избивает 8 беженцев из Румынии; в Херфорде сожжен лагерь беженцев...

Несмотря на заплывший глаз, Хассельбах держится вполне уверенно, заявляя нам, что благодаря именно восточным немцам правое движение сильно окрепло: «Большинство активистов — из Восточной Германии. Недовольных и разочарованных здесь куда больше, чем на Западе».

Правда, ему не хочется говорить о хозяине таверны на Пфарштрассе, где прежде, подобно нацистским пивным путчицам, они любили собираться. А теперь «скинхедов» не пускают туда даже на порог. Хозяин таверны купил пистолет, стреляющий пулями со слезоточивым газом, и крепко держит оборону.

Пфарштрассе оглушают полицейские сирены целого отряда машин, пожарная команда тушит костер, «скинхеды» разбегаются в разные стороны. Бой закончен...

Сокращенный перевод
с английского
В. ГАВРИЛОВА

¹ Так во время второй мировой войны иностранцы называли бутылки с зажигательной смесью, широко применявшиеся советскими солдатами; Молотов был тогда министром иностранных дел СССР. — Прим. ред.

СМОТРЕТЬ В ГЛАЗА И НЕ ВРАТЬ

Шон Пенн, блистательный американский актер нового поколения (достаточно вспомнить его последние и наиболее известные у нас работы «Мы не ангелы» и «Состояние иступления»); Шон Пенн, «черная овца» Голливуда, откровенно не желающий вести «светскую жизнь» и отрицающий всякую саморекламу; Шон Пенн, прекрасный театральный актер и режиссер; Шон Пенн, развязавший личную войну с «папарацци» — пронирами-фоторепортерами, которые действительно способны замучить даже самых стойких знаменитостей; Шон Пенн то, Шон Пенн се...

И все это — лишь «штрихи к портрету» человека, который в сознании многих обывателей навсегда останется «бывшим мужем Мадонны». Точна.

Предлагаем вам интервью с актером, опубликованное в журнале «Плейбой». А на фотографии — кадр из фильма «Шанхайский сюрприз», в котором они снимались, когда еще были вместе.

В ОПРОС: О вас говорят как о человеке, весьма несдержанном по части выпивки. А ваша бывшая жена, Мадонна, в одном из интервью даже назвала вас «грязным пьяницей». Это так?

ОТВЕТ: Вот почему я в своих интервью называю ее несдержанной на язык. Что же касается выпивки... Да, я выпиваю. Когда у меня хорошее настроение, я — веселый пьяница. Когда у меня черт знает какое настроение, я — черт знает какой пьяница. Я пью, чтобы не вникать в суету и шум, понимаете? А вовсе не для того, чтобы избежать ответственности. Когда я должен делать что-то серьезное, я капли в рот не беру.

ВОПРОС: Ну хорошо, с алкоголем разобрались. Но вы еще известны своими дикими выходками против журналистов. В какой степени это обуслов-

лено пьянством?

(Во время бракосочетания с Мадонной Шон Пенн, например, схватил ружье и начал палить в зависшие над домом вертолеты с телерепортерами. — Ред.)

ОТВЕТ: Что вы! Алкоголь только замедляет реакцию.

ВОПРОС: Короче, если б вы были трезвы, вы могли бы ударить два раза, а так — только раз? И когда начались ваши проблемы с журналистами?

ОТВЕТ: Когда я женился на Мадонне. Я и до этого был актером, но что такое актер? Да если б ее автомобиль умел разговаривать, они бы и его выслеживали, подсматривали, как он там в гараже моется.

Я, конечно, понимаю, что у фотографов работа такая — отвечать потребностям публики, но они же и подогревают людское безумие, ревность и зависть.

Это болезнь! Впрочем, я не могу быть объективным. Публика может считать меня каким угодно мерзавцем — она имеет на это право. Но даже если я действительно мерзавец, то все равно не такой, каким они хотят меня видеть.

Но если им хотелось видеть во мне осла, плюющего им в лицо — получите этого осла. Тьфу. Мне действительно на них наплевать.

ВОПРОС: Однако вы сидите здесь и отвечаете на мои вопросы.

ОТВЕТ: Только потому, что мне надо сделать рекламу своему фильму «The Indian Runner». Хотя я совершенно не верю в рекламные интервью.

(«The Indian Runner», дебют Шона Пенна в качестве режиссера, был представлен на Каннском фестивале и получил очень неплохие отзывы. Однако актер действительно известен своим нежеланием рекламировать фильмы, в которых снимался. Один из продюсеров даже пытался вчинить ему иск за «антирекламное поведение». — Ред.)

ВОПРОС: Я где-то читал, что один из журналистов вызвал вас на боксерский поединок. Это правда?

ОТВЕТ: Правда. Когда это стало известно, Марлон Брандо прислал мне телеграмму: «Дорогой Шон! Прими вызов. И дай ему как следует. Если б я был фунтов на пятьдесят полегче, я бы и сам подрался. Удачи. Марлон».

ВОПРОС: Битва состоялась?

ОТВЕТ: Нет. Меня посадили в тюрьму на тридцать два дня — за то, что я поколотил фотографа. Не на ринге.

ВОПРОС: И что вы делали в тюрьме?

ОТВЕТ: Писал. Карандашом. Ручек там не дают — боятся, что заключенные начнут рисовать себе татуировки. Я написал пьесу «Женская доброта» — я ее потом сам и поставил в одной театральной студии. И киносценарий.

ВОПРОС: А читать вам разрешали?

ОТВЕТ: Читать там разрешают только те книги, которые взял с собой. Я взял эссе Монтеня, книгу Уильяма Берроуза, сборник рассказов Карвера и книжку юмориста Тербера. Вот это действительно великолепное чтение. Рекомендую всем заключенным. Я-то надеялся, что этих книг мне хватит на месяц, а оказалось, что только на два дня...

ВОПРОС: А сокамерники интересные были?

ОТВЕТ: Я сидел в одиночке, но в двери там было окошечко с решеткой, так что я видел того, кто напротив... Напротив меня сидел знаменитый убийца-сатанист Ричард Рамирес, он попросил у меня автограф — через охранника. Вообще-то это строгайше запрещено, но охранник оказался довольно милым человеком, и я ответил, что дам автограф в обмен на автограф. Рамирес написал: «Дорогой Шон! Держись, а как выйдешь — врежь им снова. 666 («число зверя». — Ред.). Ричард Рамирес». Пририсовал пентаграмму и весьма живенькое изображение дьявола, как он его себе представляет. Я в ответ написал: «Дорогой Ричард! Говорят, что заключенные неминуемо должны испытывать родственные чув-

ства к братьям по несчастью. Так вот, скажу тебе честно: я добился невероятных результатов. Я не испытываю к тебе никаких родственных чувств». Он не обиделся — у него отличное чувство юмора, хотя он и законченный псих.

ВОПРОС: А к вам в тюрьме было особое отношение?

ОТВЕТ: Вовсе нет. Ел ту же еду, что и остальные, мне — по закону — разрешался раз в день десятиминутный телефонный разговор и двадцатиминутное свидание. К телефону меня выводили в наручниках и, как положено, приковывали к стойке.

ВОПРОС: Была ли возможность избежать тюрьмы?

ОТВЕТ: Может, и была, только, по-честному, я ее заслужил. Хорошо еще, что меня на шестьдесят дней не упекли! Я все свое получил.

ВОПРОС: Вы сказали, что одной из причин вашего негативного отношения к прессе было то внимание, которое окружало вас после женитьбы на Мадонне. Давайте поговорим об этом.

ОТВЕТ: А давайте не будем...

ВОПРОС: Ладно. Тогда поставлю вопрос иначе: опишите ад жизни с Мадонной.

ОТВЕТ: «Ад» — это ваше определение.

ВОПРОС: А ваше?

ОТВЕТ: «Мир на грани войны». Любой в такой ситуации чувствовал бы себя очень неуютно.

ВОПРОС: Но ведь когда вы женились, вам была известна репутация Мадонны. Чего же иного вы могли ждать?

ОТВЕТ: Когда мы женились, Мадонна была восходящей звездой — не суперзвездой, не идиолом, не иконой, на которую молятся. Она тогда даже не ездила в турне, а то турне, которое у нее состоялось перед свадьбой, было скромным, и не видно было, что из всего этого может получиться... Но вскоре она начала превращаться в общественное достояние, и ее муж тоже должен был стать общественным достоянием. Я знал многих настоящих звезд, которые ведут вполне спокойную и закрытую домашнюю жизнь, и не понимал, что у Мадонны все может быть по-другому, что она сама захочет другого. Это была моя ошибка... Я не понимал, что она сама выбрала жизнь в лучах прожекторов не только на сцене, выбрала абсолютную обнаженность своей жизни. Нашей жизни. Повторяю — непонимание этого есть лишь моя ошибка. Это ее выбор, она имеет на него право. Но для меня это было шоком.

ВОПРОС: И когда вы начали это понимать?

ОТВЕТ: Очень скоро. Но ведь есть еще чисто душевная привязанность, есть сердце, и трудно отказаться от того, во что вовлечено твое сердце. Все должно отболеть, миновать само собой.

ВОПРОС: Вы хотите сказать, что она была плохой женой?

ОТВЕТ: Да не в этом дело... Просто все, что происходило вокруг нее, неминуемо уничтожало в ней то, из чего делают жен. Она в этом не виновата. Это больше ее. Но я этого не понимал.

ВОПРОС: А что вы почувствовали, когда увидели в журнале фотографии своей обнаженной жены?

ОТВЕТ: Она и сама была очень огорчена. Ведь фотографии появились без ее разрешения — это уже само по себе подло. Она расстроилась, и я тоже чувствовал себя ужасно, потому что ужасно чувствовала себя она. Я тогда очень за нее беспокоился... Что же касается ревности, что твою жену кто-то увидит обнаженной, — то не об этом я прежде всего думал... Повторяю, я злился и негодовал только из-за того, что страдала она.

ВОПРОС: Мне кажется, что до того, как появились эти фотографии, Мадонна была более закрытым человеком. А их публикация стала как бы толчком к тому, чтобы она уже по собственному желанию стала демонстрировать себя.

ОТВЕТ: Что ж, сейчас она кажется мне гораздо более свободной, она делает то, что хочет. И теперь она кажется мне счастливее, чем раньше.

ВОПРОС: В самом начале были опасения, что ваша совместная жизнь может не состояться?

ОТВЕТ: Ее делами занималась одна юридическая фирма — знаете, такая помпезная, как в кино. Эти господа с самого начала видели во мне какого-то брачного афериста. Что ж, они убедились в обратном. Хотя их мнение обо мне меня не интересует.

ВОПРОС: Но вы по всем законам могли бы предъявить права на половину имущества вашей жены.

ОТВЕТ: Это уж было бы совсем по-свински... В газетах писали, что я порывался судиться чуть ли не из-за каждого цента. Только все легко проверить: когда мы с Мадонной поженились, у меня был дом и у нее был дом. У нее было свое имущество, у меня свое. И когда развелись, я остался при том, что у меня было до свадьбы. Но эти долгоносики в дорогих костюмах чуть ли не с самого первого дня все ей названивали и названивали и советовали, как устроить финансовые дела, чтобы в случае развода — а мы ведь еще только начинали нашу жизнь — я ее не облапошил.

ВОПРОС: Не были ли ваши пьянки еще одной проблемой?

ОТВЕТ: Забавно... А разве той же проблемы нет у миллионов других пар? Только они ее как-то решают.

ВОПРОС: И чаще всего — разводами. Вообще-то, был у вашего брака шанс на выживание?

ОТВЕТ: При всем том, что произошло с Мадонной? Ни в коем случае. У нас с ней разная система ценностей. Вот и все.

ВОПРОС: Какая из жизненных ситуаций кажется вам самой смешной?

ОТВЕТ: О, это была фантастическая история... Когда мы с Мадонной уже подали на развод и жили отдельно, ей нужно было зачем-то заехать в наш старый дом, в мой дом. Она почему-то решила, что я стану обращаться с ней... нехорошо. По правде говоря, я действительно когда-то заявил, что если она вздумает от меня уйти, я ее обрею наголо. И она, прежде чем приехать ко мне,

вызвала полицейских. Они окружили дом, целая туча понаехала! Стали по мегафону требовать от меня сложить оружие и выйти с поднятыми руками... Смех, да и только.

ВОПРОС: А вы чем на самом деле занимались?

ОТВЕТ: Сидел на кухне и ел овсянку.

ВОПРОС: И все же, после всего, что случилось, как вы относитесь к Мадонне?

ОТВЕТ: Прекрасно. Просто я не хочу, чтобы она жила в моем доме.

ВОПРОС: Сейчас в вашем доме живет актриса Робин Уайт, она родила вам дочь. Что вы считаете главным в воспитании ребенка?

ОТВЕТ: Смотреть дочке в глаза и никогда ей не врать. Это нетрудно, если все время помнить слова из песни Джона Леннона «Бог»: «Я не верю в «Битлз». Я верю только в самого себя».

Перевела с английского
Н. РУДНИЦКАЯ

ДЕВУШКИ!

Если вы смелы и решительны и хотите пойти по пути Мадонны и Мерилин Монро, — ваше место в Центрезерве Российского центра моды. 2 свои фотографии в полный рост, квитанцию об оплате 45 руб., данные о вашем росте, весе и возрасте, а также обратный адрес направляйте письмом по адресу: 129010, Москва, а/я 28. Оплата почтовым переводом производится на р/с ВЦ Центра № 246275 в филиале Челябинвестбанка в г. Магнитогорске, МФО 278382. В графе КОМУ указать «АО Сеол».

В течение шести месяцев Центр подберет вам работу фотомодели в СНГ и за рубежом.

Терри Биссон.

Мясо в космосе...

{ Диалог }

— Они состоят из мяса.
— Из мяса?
— Да, из мяса. Они состоят из мяса.
— Из мяса?
— Вне всяких сомнений. Мы взяли нескольких с разных частей планеты и досконально исследовали на борту. Они — полностью мясо.
— Но это невозможно! А как же радиосигналы? Послания к звездам?
— Они используют радиоволны для связи, но сигналы поступают не от них. Сигналы идут от машин.
— Так кто сделал эти машины? С кем мы хотим вступить в контакт?
— ОНИ сделали машины. Это я и пытаюсь тебе объяснить. Мясо сделало машины.
— Это просто смешно! Ну как мясо может изготовить машину? Ты что, хочешь, чтобы я поверил в разумное мясо?
— Я не хочу, я говорю тебе. Эти создания — единственная разумная раса в нашем секторе, и они состоят из мяса.
— Может быть, это что-то вроде орфолий? Ну, разум, основанный на углероде и проходящий через стадию мяса.
— Нет. Они родились мясом, мясом и умрут. Мы изучали их на протяжении нескольких периодов их жизни, и это не заняло слишком много времени. Кстати, у тебя есть идеи по поводу продолжительности жизни мяса?
— Пощади меня! Послушай, может быть, они только частично из мяса? Как веддилии, например. Голова из мяса, но с электронно-плазменным мозгом внутри.
— Нет. Мы тоже так сначала думали, но я же уже сказал, мы исследовали их полностью. Они — мясо, и только мясо.
— Без мозга?
— О, мозг есть. Но он тоже из мяса.
— Так... чем же они думают?
— Ты что, не понимаешь? Мозгом. То есть мясом.
— Думающее мясо! Ты хочешь, чтобы я поверил в думающее мясо?!
— Да, думающее мясо! Сознательное мясо! Мечтающее мясо. Любящее мясо. В этом все и дело. Начинаешь представлять себе картину?
— Господи! Да ты всерьез! Хорошо, они состоят из мяса...
— Наконец-то. Да. И они добиваются контакта с нами вот уже почти сто своих лет.
— Так что же на уме у этого мяса?
— Прежде всего, оно хочет поговорить с нами. Затем, как я предполагаю, исследовать Вселенную, наладить связь с другими разумными существами, обмениваться идеями и информацией. Все как обычно.
— И нам придется общаться с мясом?
— Об этом стоит подумать. Вот, примерно, что они посылают по радио: «Здравствуйте. Есть здесь кто-нибудь? Кто-нибудь дома?» Что-то вроде этого.
— Похоже, они, действительно, говорят. Они что, используют слова, мысли, концепции?
— О да. Не считая того, что делают это с помощью мяса.
— Ты же говорил мне про радио?
— Да. Но что, по-твоему, звучит по их радио? Мясные

звуки. Знаешь, когда делаешь отбивную или кидаешь мясо на сковородку, оно издает определенные звуки. Так вот, они говорят подобными звуками, шлепаясь кусками мяса друг об друга. Они могут даже петь, пропуская через мясо струю воздуха.

— Боже! Поющее мясо... Это уже слишком. Впрочем, что ты посоветуешь делать?

— Официально или неофициально?

— По-всякому.

— Официально: нас вызывают на связь дружелюбно настроенные существа. Нам следует ответить без страха, предубеждения или пристрастия, как в случае с любой другой разумной расой в этом квадранте. Неофициально: я бы посоветовал уничтожить записи и обо всем забыть.

— Я надеялся, что ты это скажешь.

— Может, это излишне суровая мера, однако во всем нужен предел. Действительно ли мы хотим иметь контакт с мясом?

— Согласен на все сто процентов. Ну что мы можем им сказать? «Привет, мясо. Как дела?» Сколько планет у них сейчас задействовано?

— Только одна. Они могут летать и на другие в специальных мясных контейнерах, но к жизни на них не приспособлены. К тому же, будучи мясом, они могут перемещаться только в пространстве С, что ограничивает их скорость до скорости света и делает саму вероятность контакта с кем-либо довольно незначительной. Бесконечно малой, фактически.

— Так что? Просто притворимся, что никого нет дома?

— Вот именно.

— А как насчет тех, что были взяты на борт, тех, которых исследовали? Ты уверен, что они ничего не запомнят?

— Иначе их сочтут чокнутыми. Но мы проникли в их головы и так размягчили их мясные мозги, что теперь кажемся им просто сном.

— Сон для мяса! Как это символично, что нам пришлось стать мясным сном.

— Итак, помечаем: сектор свободен.

— Хорошо. Согласен официально и неофициально. Вопрос закрыт. Еще кто-нибудь? Что-нибудь интересное в той части Галактики?

— Да. Скопление довольно пугливого, но совсем неисследованного разума, основанного на водороде. Находится на звезде девятой категории в зоне G445. Было в контакте два галактических обращения назад. Ищет связи опять.

— Вечно они возвращаются.

— Почему бы и нет? Ты только представь, как невыносима, как неопишимо холодна Вселенная, если думаешь, что ты в ней совершенно один...

Перевел с английского
С. КОПЫТЦЕВ

THE END
✠

Ежегодно в Таиланд приезжает почти миллион туристов из Европы. Многих из них привлекают туда знаменитые «экзотические» бары, где за мизерную, по европейским меркам, плату вам предложат ребенна-проститутку. Мальчики и девочки, многим из которых по семь-восемь лет, как цеховой герб носят на майках анкуратно вышитые цифры — чтобы европейцам не ломать язык, выговаривая их сложные азиатские имена.

ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

Мишель ПЕЛЛЕТЬЕ,
французский журналист

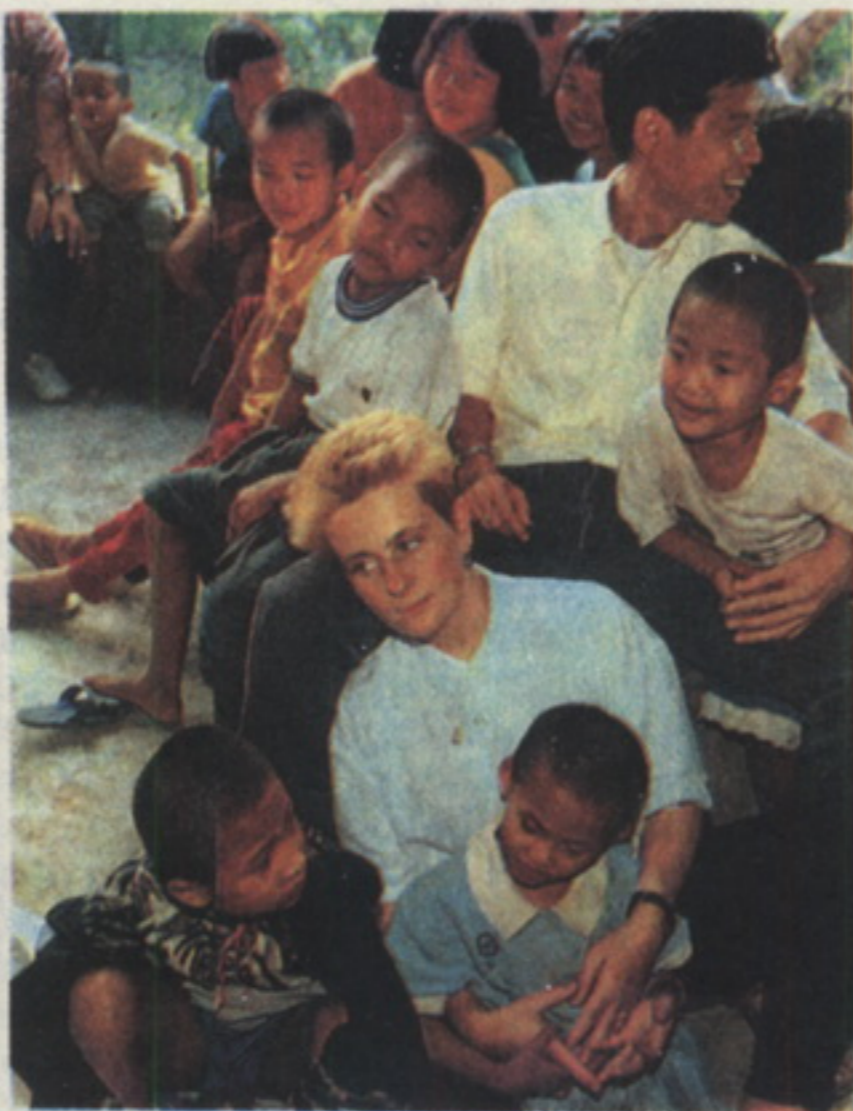
Как и прежде Мари-Франс обо- жает ходить на пляж. В Таи- ланде пляжи — настоящее чудо природы. Но теперь она ходит купаться только с наступле- нием темноты, чтобы не шокировать резвящихся там европейцев трудно за- живающими ожогами на плечах. Китай- ские мафиози, прижигая ей плечи горя- щими сигаретами, хотели заставить быть более сговорчивой.

После учебы на факультете общест- венных наук в Брюссельском универси- тете Мари-Франс работала в отделении по борьбе с грубым обращением с детьми при детском госпитале Сэн- Пьер. Там она и познакомилась с пред- ставителями организации «Земля лю- дей», предложившими ей поработать в Таиланде в комиссии по контролю за условиями жизни детей в лагерях бежен- цев. Мари-Франс было двадцать пять, она была свободна и с радостью приняла предложение.

Через несколько месяцев работы в ла- герях беженцев она сделала страшное от- крытие: исчезают дети. Она начала свое частное расследование. «Это было трудно — выяснить, почему пропадают дети, но еще труднее стало, когда я узнала правду: детей выкрадывали или по- купали у матерей солдаты, охраняющие лагерь. Они перепродавали их владель- цам публичных домов».

Мари-Франс прошла по цепочке до са- мого конца. Три месяца вместе с тайским врачом она объезжала «массажные са- лоны» Бангкока, Пхукета, Чингмайя и Патайи. «Мы выдавали себя за парочку любителей острых ощущений. Доста- точно было заплатить хозяину гости- ницы 10–20 долларов, как нам тут же предлагали на выбор несколько мальчи- ков и девочек. Иногда их присылали еще до того, как мы о чем-либо просили. Рас- просив ребенка, записав его рассказ, утром мы возвращали его хозяину. Это было ужасно. Однажды я не выдержала и в буквальном смысле купила в гостинице шестилетнюю девочку за тысячу долла- ров. Мы отвезли ее к родителям».

Именно после этого случая Мари-

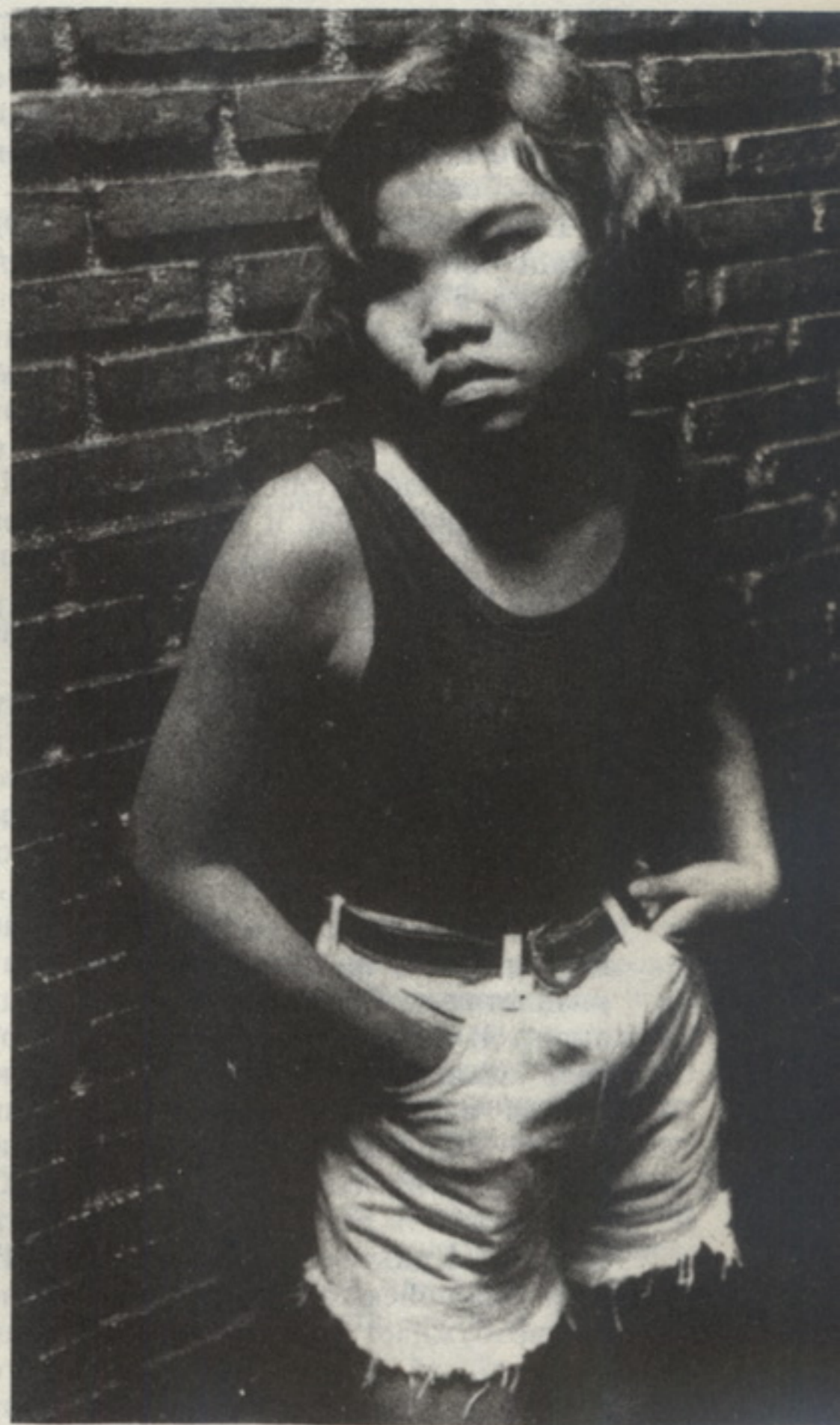
Франс получила первое предупреждение от мафии. Вечером, когда она возвраща- лась в свою квартиру в Бангкоке, ее сильно избили в подъезде дома. Через несколько месяцев ее избили снова, но на этот раз применили к ней «наказание», с помощью которого «воспитатели» из ма- фии приручают наиболее упрямых де- тей: в плечи и руки ей тыкали горящими сигаретами.

Мари-Франс по-прежнему работает в Таиланде, по-прежнему остающемся «меккой» педофилов. Когда-то все они съезжались в Манилу, но с тех пор, как филиппинское правительство приняло решение высылать из страны замечен- ных в развратных действиях иностран- цев с печатью в паспорте: «За половые извращения», желающих рисковать своей репутацией поубавилось. А в Таи- ланде — вольница. В любом газетном киоске можно купить путеводители по «экзотическим» барам, которых великое множество. По самым скромным подсче- там, на 56 миллионов тайцев приходится полмиллиона детей-проституток.

Вместе с Мари-Франс мы беседовали с посетителями публичных домов. В боль- шинстве своем уважаемые господа охотно давали интервью. «Мы не должны судить здешнюю жизнь по на- шим европейским меркам. Здесь прости- туция — это феномен местной куль- туры». К этому сводились их «размышле- ния».

«Феномен культуры». Побои, принуж- дение, пытки, с помощью которых детей приобщают к проституции, — это фено- мен культуры? По данным доклада, со- ставленного Мари-Франс совместно с тайским Комитетом по защите прав де- тей, более четверти обследованных де- тей признались, что их жестоко изби- вали, чтобы заставить работать.

Вместе со своими тайскими коллегами Мари-Франс убедила бангкокскую поли- цию провести проверку некоторых «мас- сажных салонов». В одном из них освобо- дили 20 малолетних «рабов». Хозяин са- лона бежал, забрав с собой тринадцати-

летнюю любовницу. На следующий день тело девочки было найдено на улице. Хозяин салона зарубил ее топо- ром в отместку за покушение властей на его «собственность». Тем не менее рейд был продолжен, и более тысячи детей отправлены родителям на север страны.

Почему на север? Этот район, наибо- лее бедный в Таиланде, является основ- ным поставщиком живого товара. Мно- гочисленные вербовщики разъезжают по деревням, предлагая родителям иногда открыто купить у них детей, иногда завуалированно — обещая при- строить детей в городе на работу. Впро- чем, чаще всего таких «китайских цере- моний» не требуется. Все прекрасно по- нимают, о чем идет речь.

В деревушке на берегу реки Квай, жи- тели которой вот уже несколько лет при- нимают у себя беглых малолетних рабов, я разговаривал с четырнадцатилетней Тхин, умирающей от сифилиса. Она рас- сказала мне историю своей короткой жизни.

Два года назад мать продала ее вербов- щикам. Тхин долго отказывалась выхо- дить к клиентам, ее били, жгли сигаре- тами. Она сбежала. Ее деревня распо- ложена в тридцати километрах от Бан- гкока. Пешком она добралась до нее, бросилась в ноги к матери, умоляя оста- вить ее дома. Мать молча взяла ее за руку

и повела обратно в город. Тхин бросилась в реку, хотела утопиться, но ее спасли. Мать отпустила ее руку только на пороге публичного дома, из которого Тхин сбежала.

Тхин повезло. Она умела писать. Однажды она попросила клиента-немца бросить в почтовый ящик письмо. Она умоляла о помощи свою школьную учительницу. Если бы немец отдал письмо хозяину, Тхин скорее всего убили. Тхин повезло, учительница получила ее письмо, предупредила полицию. Девушку освободили, и Мари-Франс привезла ее добрым людям из деревушки на берегу реки Квай.

Тхин была первым ребенком, подавшим в Таиланде в суд на свою мать. С помощью адвоката Комитета по защите прав детей процесс был выигран, мать Тхин получила три года тюрьмы. «Я люблю маму,— говорила Тхин,— но я не хочу, чтобы мои сестры повторили мой путь».

Но кто-то этот путь обязательно повторит. Спрос на детей растет. Места в самолетах из Европы в Таиланд не пустуют. И только одна Швейцария вручает своим гражданам, отправляющимся в Юго-Восточную Азию, листовку: «Чтобы добиться прекращения самой униженной работоторговли XX века, в каждом из нас должна заговорить совесть. Приятного вам отдыха». Из всех европейских стран только Норвегия возбуждает по представлению тайских властей против своих граждан уголовные дела по обвинению в сексуальных преступлениях. Остальные европейцы отделяются штрафом чуть больше ста долларов, который выплачивают на месте, и со спокойной совестью улетают домой.

А мафия в Таиланде тем временем продолжает выживать неугодных. Недавно дверь квартиры Мари-Франс украсили три прибитые гвоздями кошки. За голову Тилапона, председателя Комитета по защите прав детей, назначена награда в 4 тысячи долларов.

В самолете, на котором я возвращался из Таиланда, две немолодые супружеские пары из Марселя громко обменивались впечатлениями о посещении «массажных салонов» и презрительно промолчали в ответ на мой вопрос, знают ли они, что 56 процентов тайских проституток больны СПИДом.

Перевел с французского
С. ВИКТОРОВ

«КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ» НА СЛУЖБЕ И ДОМА

Уильям ШЕРМАН,
американский журналист

Джон Готти не привык открывать двери сам. За него это делают другие. Другие открывают для него двери в любимый ресторан, дверь семидесятитысячного «мерседеса», в котором всё, включая стеклоочистители передних фар, сделано на заказ, двери его офиса в Нижнем Манхэттане, а теперь — двери тюремной камеры. Но даже получив приговор «пожизненно», Джон Готти остается властелином Нью-Йорка. ФБР полагает, что Готти имел свою долю практически в каждой сфере городской жизни, от строительства и уничтожения отходов до спекуляций на бирже и торговле наркотиками. И поэтому Готти может с полным основанием сказать, что город в его руках. Он и держится как властелин — благообразен во всем, от пальто из верблюжьей шерсти до шелковых носков с монограммой.

И все же, как ни тщился бы Готти, ни он, ни его «коллеги» по мафии вовсе не походят на «Крестного отца» в изображении Марлона Брандо. Миф это, миф и мыльный пузырь. Ну разве похож на благообразного Дона Корлеоне один из главарей канзасской мафии Карл Сивелло, который криво нахлбучивает свой парик? А Винсент Джиганте, глава нью-йоркского клана Дженовезе, тот, что разговаривает сам с собой и прогуливается вокруг собственного дома в одной пижаме?

На публике Готти неплохо справлялся с ролью. В салоне красоты, где, вплоть до ареста, Готти приводил в порядок свои седеющие волосы и делал маникюр, он всегда тепло беседовал с мастерами. В ночном музыкальном клубе «Реджина» Готти, за которым был один из лучших столиков, слыл звездой первой величины. У него всегда была в запасе улыбка для репортеров; подарки, теплые слова, а также бесплатный фейерверк каждое четвертое июля для соседей по району Куинз, населенному средней буржуазией, были нормой. В прошлом декабре, уже сидя в тюрьме, он прочел в газете, что у тринадцатилетнего мальчика, страдающего церебральным параличом, украли щенка. Готти распорядился навестившему его подчиненному: «Возьми на заметку семью. Какой позор! Пусть у мальчика будет пять собак!»

«Поразительный парень,— говорит его адвокат Брюс Катлер, который был лишен права участия в процессе из-за имевших место деловых контактов с Готти.— Народный герой. Пойдемте со мной, и вы сразу поймете это. Люди останавливают меня и говорят: «Эй, Брюс, передай господину Готти наш привет». Люди любят его».

Итак, вот несколько черт к портрету Готти — стандартного современного гла-

варя мафии: всемогущий, светский, великодушный человек, добропорядочный семьянин и щедрый дедушка. Однако портрет этот неполон: в обвинительном акте по его делу утверждается, что его методы управления «империей» — это зверское запугивание подчиненных, убийства, шантаж. ФБР недавно рассекретило стенограммы подслушанных разговоров, и теперь можно утверждать, что Готти лично принимал участие в убийствах людей из своего ближайшего окружения. «Если у нас появляется человек в чем-то с нами несогласный, мы убиваем его,— поучал Готти своего подчиненного Фрэнка Локацио за ленчем в светском клубе «Равенит». И, объясняя, почему один из подчиненных семьи был убит, продолжал:— Он ничего не украл. Хочешь знать, почему он умер? Он умер, потому что отказался прийти ко мне в назначенное мною время. Вот в чем была его ошибка».

Как и его коллеги, разбросанные по всей стране, Готти свято чтит правила и обычаи американской мафии. «Стойкие парни» — так они себя называют, эти обладающие огромной властью господа. В личной жизни они превыше всего ценят своих жен и ни-ни — никаких интрижек. Такой образ культивируется и на тайных церемониях посвящения в мафию.

«Женщина неприкосновенна... Мы обязаны чтить женщину, будь то мать, подруга или жена», — так инструктировал четырех молодых людей, пополнивших ряды Коза Ностры Новой Англии один из ее главарей, Джозеф Руссо. Церемония посвящения проходила ночью в огромном доме, расположенном на тихой улице, причем никто из двадцати с лишним присутствовавших не подозревал, что ФБР вело за домом наблюдение. Впервые ритуал посвящения, веками остававшийся неизменным, был записан на пленку: «...не приближайтесь к женщине, если только у вас не благородные намерения. Если вы не собираетесь жениться... Такие проступки смываются только кровью, только кровью!»

Все новые члены мафии держали в ладонях горящие свечи и клялись не нарушать обета молчания: «Как горит эта свеча, будет гореть и моя душа!»

Но все эти церемонии и действительность — совершенно разные вещи. Недавно проведенное ФБР расследование деятельности двадцати двух преступных кланов Америки показало, что большинство сегодняшних мафиози — люди в своем деле некомпетентные и мелочные, а их отношения с женщинами порою просто смешны.

В ходе расследования ФБР встривало

сложные подслушивающие устройства в стены, потолки, телефонные кабели, коридоры их домов и офисов и даже в любимые столики в ресторанах (как-то раз микрофон вставили даже в бутылку виски). Только спальни оставались неприкосновенны, хотя записи разговоров в гостиных и на кухнях давали гораздо больше информации о личной жизни мафиози, чем того требовалось следователями.

Вот разговор между Полом Каstellано, предшественником Готти в качестве главы семейного клана Гамбино, и его женой Ниной. Каstellано находился в интимной связи с горничной по имени Глория, и подслушанные разговоры показывают, что Нина была хорошо осведомлена об этом. Разговор состоялся на кухне их огромного особняка.

«Мои брюки, Нина, — жалобно обращается Каstellано к жене, — почему они уже три дня валяются на полу в спальне? В чем дело? У меня не слишком много одежды. Я, наверное, прошу слишком многого, но не могла бы ты отнести их в химчистку?»

«Я скажу горничной», — резко отвечает жена.

«С каких это пор в обязанности горничной входит носить вещи в химчистку? Нет, Нина, сделай это сама. Ты ни о чем не должна просить горничную. Я прошу тебя».

«Вот и подними свои штаны с пола и сам отвези в чистку... Я говорю, возьми свои штаны и проси кого хочешь почистить их, если сам не желаешь. Может быть, твой шофер Томми умеет читать твои мысли. Я не умею. Поэтому ты сегодня останешься без ужина».

Позже Каstellано попросил жену принести аспирин, и Нина холодно ответила: «Пусть горничная подает тебе аспирин».

Жены мафиози смотрят сквозь пальцы на супружескую неверность мужей. «У девяноста процентов гангстеров есть подружки, хотя нормы морали Коза Ностры очень строги, — говорит директор оперативной группы по борьбе с организованной преступностью Нью-Йорка Рональд Голдсток. — Но не дай Господь тронуть жену коллеги. За это можно получить пулю в лоб. С любовницами же обращаются по-разному. На них могут тратить кучи денег и избивать при этом».

Вот история двадцатилетней Кэри Карнесекка-Тейлор. Она имела продолжительную связь с сорокалетним главарем канзасской мафии Уильямом Каммизано. Карнесекка-Тейлор рассказывала на суде, что он «иногда бил меня кулаками, плевал в лицо, ругал на чем свет стоит, если бывал не в духе». И все же жена, дочь и сын зарыдали в голос, когда услышали приговор своему доброму мужу и отцу. Отголосив, они снова ударились в плач после того, как судья отклонил просьбу Каммизано отложить начало отбывания срока до свадьбы дочери.

И при всем том самое забавное, считает Голдсток, что верхушка мафии большую часть времени уделяет работе, которая дает им большую нервотрепку и меньшую прибыль, чем труд на законных основаниях. Они трудятся по семь дней в неделю и двенадцать часов в день. Они редко отдыхают. У них нет секретарш, они не делают записей, все держат в голове — телефонные номера и суммы денег, сделки, слова, сказанные другими... А прибыль при этом куда меньше, если бы они употребили эти свои недюжинные способности на какой-то легальный бизнес.

Записи ФБР к тому же демонстрируют, что большинство гангстеров, несмотря на все свои усилия, недолго купается в золоте. «Поразительно, как быстро они спускают деньги», — говорит Голдсток.

Эти люди — заядлые игроки. Готти, например, потерял миллионы, постоянно проигрывая в футбольном тотализаторе. Однажды он все же выиграл 225 тысяч долларов, но через два дня спустил все в кости. И при этом они очень ревностно относятся к каждому истраченному кем-то другим центу. Ники Скарфо, главарь Коза Ностры Филадельфии, даже собирался убить свою жену Доменику, когда та прокутила в Атлантик-Сити 400 тысяч долларов.

«Мы следили за одним парнем, он воровал миллионы, — вспоминает Голдсток. — Так вот он хвастался, что умеет подсоединяться к телефону-автомату и каждый раз экономит таким образом четверть доллара. И вообще люди мафии ничем не отличаются от простых обывателей. Например, Джозеф Руссо из Новой Англии, в доме которого происходила церемония посвящения, очень боялся, что его жена, вернувшись домой, учует запах табака — она запрещала курить в доме. Этот заматерелый преступник после церемонии спешил уничтожить все следы пребывания гостей, суетливо расставлял по местам стулья...»

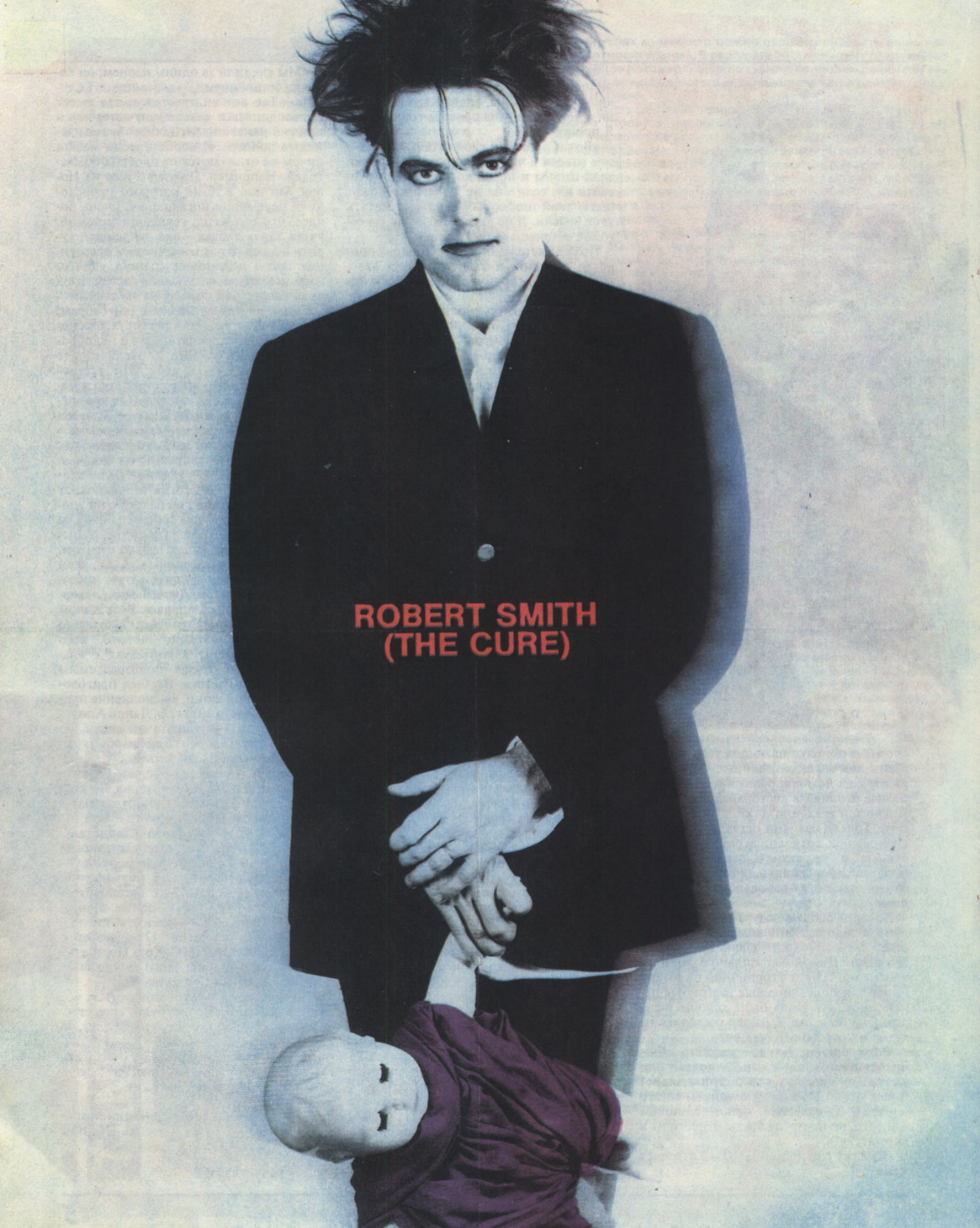
Судя по прослушанным разговорам, боссов мафии роднит одна черта: они постоянно боятся предательства и недоброжелательности коллег и очень любят плакаться на свою судьбу. ФБР установило подслушивающее устройство в машине Энтони Коралло, главы нью-йоркского семейного клана Луккезе. И выяснилось, что Коралло — самый несчастный на свете человек. Если кто-нибудь спрашивал его о здоровье, он отвечал, что чувствует себя ужасно. Если кто-нибудь шутил, он никогда не смеялся. От жизни он не получал ни радости, ни удовольствия. И при этом все они панически боятся предательства и удерживают дисциплину в своих рядах только страхом. Самые часто встречаемые в их речи слова — «убрать», «уничтожить», «обезвредить». И в этом Джон Готти, наверное, превзошел остальных. В прошлом году он, судя по записям, постоянно твердил, что устранит любого, кого только заподозрит в контактах с властями. Одним таким подозреваемым стал Газтано Вэстога. Он был приговорен к смертной казни, а исполнение приговора поручили его зятю, Дэнни Аннунциата. Когда Аннунциата отказался, он тоже был приговорен. Сейчас оба скрываются от бывших собратьев.

Может быть, насчет Вэстоги Готти и ошибался, однако, несмотря на все клятвы верности, уровень «дезертирства» в американской мафии никогда еще не был столь высоким. Именно свидетельские показания вкупе с расследованиями и прослушанными ФБР разговорами сыграли решающую роль в битве министерства юстиции США с организованной преступностью. Основные криминальные кланы обезглавлены, за последние пять лет осуждено 1175 главарей и боевиков Коза Ностры. «Коза Ностра исчезнет уже до конца этого столетия», — уверяет Рональд Голдсток.

Но Джон Готти готов поклясться, что это не так: «Коза Ностра будет существовать вечно. Пройдет час, день, сто лет, но Коза Ностра будет жить».

Нельзя ведь сбрасывать со счетов его сына, Джона-младшего. Пока он за кулисами, но ждет своего часа...

Перевел с английского
В. ПОПОВ

A full-length photograph of Robert Smith, the lead singer of The Cure. He is standing against a plain, light-colored wall. He has his signature spiky, dark hair and is looking directly at the camera with a neutral expression. He is wearing a dark, single-breasted suit jacket over a white collared shirt. His hands are clasped in front of him, holding a baby doll. The doll has a pale, featureless face and is wearing a dark, long-sleeved garment. The lighting is soft, casting a slight shadow on the wall behind him.

**ROBERT SMITH
(THE CURE)**

том спортивных мероприятий. И все же весной 1992 г. он нашел время записать новый сольный альб.— второй после шумевшего сольника 1980 г.,— который критики с поразительным единодушием охарактеризовали как «новое слово в многократно провернутой через жернова шоу-бизнеса старой музыке».

Пл.: Wichita Train Whistle Sings, 1968; Magnetic South, 1970; Loose Salute, 1970; Nevada Fighter, 1971; Tantamount To Treason, 1972; And The Hits Just Keep On Coming, 1972; Pretty Much Your Ranch Standard Stash, 1973; The Prison, 1975; Best Of, 1976 (сборник); From A Radio Engine To A Photon Wing, 1977; Live At The Palais, 1978 (Live LP); Compilation, 1978; Infinite Rider On The Big Dogma, 1979; Elephant Parts, 1980; The Newer Stuff, 1989; The Garden, 1992.

NEWMAN, RANDY. Рэнди Ньюмен. Родился 29 ноября 1944 г. в Новом Орлеане, США. Вокалист, пианист, композитор.

Р. Н. вырос в музыкальной семье с большими творческими связями в Голливуде; два его дяди, Альфред и Лайонел, написали множество сценариев и фильмам. В 17 лет Р. Н. был уже штатным автором в калифорнийской издательской компании. Недоучившись всего один семестр в Калифорнийском университете на отделении муз. теории, Р. Н. близко сошелся с Ленни Уоронкером, сыном президента фирмы грамзаписи Liberty Records, и вскоре получил контракт на запись дебютного альб.

Первые вещи Р. Н. привлекли многих исполнителей, среди которых были Джуди Коллинз, Пегги Ли и «Three Dog Night» — в исполнении последних композиция Р. Н. «Mama Told Me (Not To Come)» заняла первое место в хит-параде США. Кроме того, Р. Н. записал все партии фортепиано для сольного диска своего друга Гарри Нильссона.

Гастролируя с Нильссоном, Р. Н. выработал свой собственный стиль, для которого характерны хроматические линии а-ля Джордж Гершвин и Курт Вайль, а тексты песен необычайно ироничные — как правило, это очень точные, хотя и не всегда лестные портреты персонажей с улицы. Учитывая, что на манеру игры Р. Н. очень сильно повлияла техника его кумира Фэтса Домино, композиции музыканта «полны неожиданностей» и тонкого юмора.

Культурный статус Р. Н. приобрел после выхода своего второго альб. (1968), где наряду с традиционным роковым инструментарием представлен симфонический оркестр — к сожалению, в массе своей слушатель довольно слабо подготовлен для восприятия многослойных полотен Р. Н., и потому комме-

рческий успех музыканта можно охарактеризовать лишь как весьма относительный. В середине 70-х музыкант предпринял масштабное всеамериканское турне в сопровождении симфонического оркестра, которым дирижировал еще один его дядя, Эмиль Ньюмен.

Альб. «Little Criminals» принес Р. Н. первый сингл, занявший высшую строку в национальном хит-параде, «Short People» (1977). Несмотря на редкую для Р. Н. прямолинейность — здесь речь идет о расизме,— лишь немногие поняли эту композицию. Песню «Baltimore» с того же диска успешно переаранжировала Нина Симоне. Затем последовали новые гастроли, первые с 1974 г.; в паузах между турне и записью дисков Р. Н., как уверял он сам, ничего не делал, смотрел телевизор и играл со своими тремя сыновьями.

В 1979 г. на его альб. пели члены группы «Eagles», а за музыку к фильму Милоша Формана «Рэгтайм» Р. Н. получил два «Оскара» («лучшая песня» + «лучший саундтрек»). В альб. 1983 г. представлены Линда Ронстадт, музыканты из «Fleetwood Mac», а также Пол Саймон.

Вторая половина 80-х гг. и начало 90-х не ознаменовались изменением концепции — Р. Н. по-прежнему пишет рок-зонги с налетом бурлеска, а в лирике отдает предпочтение «ироничному сюрреализму».

Пл.: The Randy Newman Orchestra Plays Music From The Hit Television Series Peyton Place, 1966; Randy Newman, 1968; Twelve Songs, 1970; Live, 1971 (Live LP); Sail Away, 1972; Good Old Boys, 1974; Little Criminals, 1977; Born Again, 1979; Ragtime, 1982; Trouble In Paradise, 1983; The Best Of, 1983 (сборник); The Natural, 1984; Lonely At The Top — The Best Of, 1987 (сборник); Land Of Dreams, 1988; Falling In Love, 1989; Parenthood, 1989; Awakening, 1991.

«NEW MODEL ARMY» («Нью модл арми»), группа «Армия новой модели» образовалась в 1980 г. в Великобритании.

Исходный состав: Джастин Салливен, вок., гит.; Стюарт Морроу, бас; Робб Хитон, уд.

«Н. м. а.» (так именовал свое воинство Оливер Кромвель) появилась на британской сцене в тот момент, когда лозунг «Панк не умер» широкая публика перестала воспринимать всерьез. Уже первые «инди»-синглы группы — «Bittersweet» и «Great Expectations» — дали всем понять, что движение наконец-то обрело долгожданного лидера (хотя, на первый взгляд, и несколько странного: участники группы с самого начала отвергли панк-атрибутику и шокировали аудиторию вызывающе длинными волосами).

Дебютный альб. «Vengeance» произвел на независимой сцене подлинный фурор, и к «Н. м. а.» тут же приклеили ярлык «новых» «Clash», хотя другая формула — «The Ruts» + Б. Спрингстин,— похоже, ближе к истине. Д. Салливен не скрывал, что вывел свой «боевой отряд» исключительно на политическую борьбу — тем приятнее всем было обнаружить, что за внешней необузданностью скрывается редкая для данного жанра музыкальность и прекрасное владение литературным англ. языком.

Выпустив первый альб., «Н. м. а.» сделали два хитроумных хода в противоположных направлениях: во-первых, «ушли в народ», дав за 10 месяцев более 200 концертов, во-вторых, к ужасу большинства поклонников, подписали контракт с крупной «капиталистической фирмой» EMI. Выход второго альб. (май 1985) в какой-то мере развеял опасения: перо Салливена не потеряло остроты, но критики все же заметили, что после выхода из состава Морроу вокальные эскапады лидера «Н. м. а.» лишились плотной звуковой опоры и как бы повисали в воздухе. Почувствовав этот недостаток, музыканты сразу же записали акустический мини-альб., как бы давая понять, что всегда найдут себе место на фолк-сцене. В 1985–1987 гг. «Н. м. а.» провели массу музыкально-политических акций, попали в амер. «черные списки» и прославились на всю Британию, когда появились в программе «Top Of The Pops» в майках с надписью «Только тупые ублюдки употребляют героин!».

Следующий студийный диск ознаменовал поиск компромисса между панк-роком и гитарной акустикой; тематика же песен была в целом привычной: засилье наркомафии (это в Англии!), обличение панамериканизма и воспевание славного революционного прошлого Альбиона — в отличие от большинства соц-рокеров, «Н. м. а.» зовут не в 17-й год, а чуть подальше, в XVII век. Четвертый студийный альб. пока остается последним — «Н. м. а.» снова «ушли в народ» — на сей раз, похоже, всерьез и надолго. Тем временем С. Морроу присоединился к быстро прогрессирующей группе «Loud» и в чем-то уже обошел бывших коллег.

Пл.: Vengeance, 1984; No Rest For The Wicked, 1985; Better Than Them, 1985 (mini-LP); The Ghost Of Cain, 1986; Radio Sessions, 1988 (студийный джем-сейшн); Thunder And Consolation, 1989; History, 1992 (сборник).

Изменения состава: 1985 — Морроу, + Муз.

ТАНИТА ТИКАРАМ

Рок - Энциклопедия Ровесника

О ЖЕНСКОМ «МЕТАЛЛЕ» ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО...

Легз МАКНИЛ,
американский журналист

SHARE PEDERSEN

К

огда женщина впервые взяла в руки топор, она не стала дровосеком — она осталась несчастной женой дровосека, ибо только жизнь с дровосеком — пьющим, ленивым, забывшим о славе профессии, — могла подвигнуть ее на этот шаг.

Когда женщина впервые взяла в руки гитару и подошла к микрофону, она не стала рок-звездой — она стала НИКЕМ, ибо перестала быть женщиной, потерявшись в мире мужчин.

Рок — это игра без правил, но правила все же существуют, кодекс сложился, и властелин здесь — самец или «мачо», и комплекс самца непреодолим и сложен, как число Зверя. Мужчина с гитарой имеет право на женоподобие, ему позволено иметь редкие седые локоны, тощий зад и торчащий животик. Однако женщина, пусть со статью Дианы-охотницы, не имеет права приближаться к нему без высочайшего позволения и, упаси Бог, не смеет претендовать на место перед микрофоном. Это означало бы полный крах мужской философии, и не только применительно к рок-музыке.

В рамках, казалось бы, самого демократичного из искусств троглодиту с гитарой позволено все, но существо иного пола — ОНА — не имеет права приобщиться к этой приятности. И потому вы, конечно же, не знаете девочек, о которых пойдет речь ниже, но, может быть, вы сумеете понять, почему они ушли от того, что им определила судьба по праву пола, и выбрали то, за что полагается в лучшем случае кара?

Впрочем, женщины в роне и прежде, конечно, встречались. Но им полагалось играть по правилам, придуманным мужчинами. Им полагалось быть либо очень хорошенькими, либо вызывающе сенсуальными, либо, наоборот, мужеподобными. Тогда они выступали в ролях либо подружек, либо «своих парней», ну, еще и пели немножко и на чем-то там играли. Были еще верные супруги, вроде Линды Маккартни, и все же любое вторжение женщины в «мужское дело» рассматривалось как нарушение, с которым, стиснув зубы,

смиряться, но не до конца (поп-музыка, в которой царствует Мадонна, — не в счет). А тут еще бабы в «металл» полезли! И если о женщинах в роне и о их особом в нем месте и так говорилось мало, то о женщинах в «металле» вообще как-то не писали, ни у нас, ни в зарубежной печати. Потому материал Легза Макнила в какой-то степени уникален — он приподнимает завесу с «пренебрегаемой» темы.

Но, что самое замечательное: автор, казалось бы, испытывая симпатию к героиням, все же ни слова не говорит об их музыке, рассматривая явление все на том же уровне — на уровне, давно уже получившем название «мужской шовинизм».

С. КАСТАЛЬСКИЙ

Ж

икому и в голову бы не пришло, что это им удастся. Ей-богу! Никто из парней просто не поверил бы, что какие-то там девочки смогут играть «хэви» так, как его полагается играть: круто, безумно, с такой мощью, чтоб ее хватило для запуска тысячи ракет. Не музыка, а конец света. Нет, конечно, играть просто рок женщины вполне в состоянии, кто ж спорит. Но тут-то речь не только о музыке. Вот как у них насчет способности разрушения? А жажды оного? А, может, все это — нечто иное, ну, всякие там костюмчики, причесончики, цепочечки — словом, все, что обычно приводит девиц в детский восторг?

Однако дам-«металлюг» появилось на сцене за последние лет десять предостаточно: «Рануэйз», Доро Пеш из «Уорлока», «Харт», Энн Болейн, Пэт Бенатар, «Битч», «Викси» («Мегера»).... Первые подземные толчки начали ощущаться давно. Еще в семьдесят пятом «Рануэйз» провозгласили, что, дескать, рок не возбраняется играть даже арестантам. И не

ROXY PETRUCCI

одни лишь поэты, отцы церкви и секс-бомбы имеют право создавать себе имя. У чьей-нибудь прыщавой сестренки и ее подружек-неудачниц прав на это ничуть не меньше. И этот праздник жизни под названием «юность» не для одних лишь мальчиков придуман, но и для девочек тоже.

Эффект, прямо скажем, был не слабый. Отныне у известного свойства особ в коже и джинсах — наконец-то! — тоже было свое пристанище. Всеобщему возмущению не было предела. Оно, конечно, рок-н-роллу подобает быть демократичным, но не до такой же степени! Да, в свое время «Рануэйз» за все это крепко досталось, но зерна, ими посеянные, дали обильные всходы. И «Виксн» — это еще не предел. Уж коли есть «Виксн», то почему бы не быть кое-чему и похлеще, такому, что сразило бы всех парней наповал? Представляете — такие металлические амазонки, и не в виде мальчишечьих татуировок или картинок с пластиночных обложек, а всамделишные, живые, самые что ни на есть настоящие, рок-рулящие всем земным шаром...

— Они не идиотки, ну ты понимаешь, о чем я говорю, малыш, — закинув ноги на стол, вещает Мишель Шнэпп, руководитель отдела по рекламе тяжметпродукции фирмы «Эпик Рекордз». Шнэпп — довольно приятной наружности полноватый парень лет тридцати от роду с волосами до плеч. Правда, смахивает он больше не на официального представителя фирмы грамзаписи, а на служащего с бензоколонки, что, впрочем, общего впечатления особо не портит. Одно плохо: в свое время он, видно, насмотрелся фильмов о том, как якобы ведут себя рок-менеджеры, и всему, в этих фильмах увиденному, он следует буквально, отчего речь его обильно пересыпана бесконечными «малыш», «отличненько», «будь спок, все схвачено». Реклама — не единственное занятие Шнэппа. Мишель — владелец одного из самых крутых ночных клубов в Нью-Йорке. Только он было собрался поведать мне нечто насчет высокого морального облика своих подопечных, а они уже тут как тут — в джинсовых шортах голубого цвета, натянутых поверх черных чулок, в черных же высоких, почти до бедер, сапогах на каблукках, в опять-таки черных отороченных мехом бюстгальтерах, поверх них — черные кожаные безрукавки и джинсовые накидки, а на них выведено название группы: «Адские мотопотаскушки».

— Привет, Мишель!

— О! Как дела, малышки? Ну что, дадим жару?

— Ну еще бы! — наперебой вопят они. — Тусовка будет что надо! Поприкальваемся на славу!

Во всем этом чувствуется некоторый наигрыш, наверное, так вопят о предстоящей выпивке те, кому еще не стукнуло двадцати одного года. «Потаскушки» — это Королева-Мегера, брюнетка с длинными прямыми красивыми волосами; рыжеволосая Венера, которая выглядит, как нечто среднее между высокооплачиваемой манекенщицей и администраторшей из исправительной колонии для несовершеннолетних; Огонь-баба, эдакое дитя улицы с полусошедшей химией; и Однопроцентная Милашка, смахивающая на заводилу уличной компании. По всему видно, что когда-то они были совсем другими. Например, Королева-Мегера, или иначе Рафаэла, застенчивая девушка, «книжный червь», уроженка маленького курортного городка. Венеру на самом деле зовут Джинни, она бывшая манекенщица из Миннесоты. Когда-то они шли совсем другой дорогой, и впереди их ждало совсем другое будущее — что-нибудь вроде школы стенографии. Но в какой-то момент они решили все круто изменить, и начать сначала, и прожить свою раннюю юность еще раз, но уже так, как им всегда хотелось ее прожить. Для них это был способ как бы родиться заново, причем сделать это с вызовом — как делают их близнецы-братья, то бишь металлисты-мужчины. И прошло не так уж много времени, как их альтер эго как бы зажили своей отдельной жизнью, которая была намного привлекательней, чем реальная жизнь наших героинь. Жизнь в образе мотопотаскушек была своего рода наркотиком, и соблазн продолжать в том же духе был слишком велик. Набрав аккомпанирующий состав из ребят-музыкантов, неразлучная четверка стала петь в клубах. И это веселье, игра в ими самими выдуманную жизнь были на редкость заразительны. Не поверить в нее было просто невозможно.

После знакомства с девушками я тут же получил приглашение поехать в «Нассау Колизеум» посмотреть, как Джеймс Хетфилд (приятель Венеры) с товарищами по «Металлике» будет расшатывать «устой цивилизации».

Появление «Потаскушек» не прошло незамеченным: девчонки глядели на них с нескрываемым восхищением, ребята — с некоторой настороженностью и кривыми усмешками. Еще бы! На их исконную территорию вторгались чужаки, да еще какие! — женщины, которые вдобавок ко всему осмеливаются вести себя так же уверенно, как и они, законные хозяева этих владений, женщины, которые вовсе не собираются заискивать перед ними. Ребятам все это пришлось явно не по душе.

— Ого! «Потаскушки!» Винни, Винни, гляди — «Потаскушки!» Эй! Да вы просто компашка потаскушек! Вот и все!

К подобному переполюху девушкам было не привыкать. Но в тот вечер Королева-Мегера, как мне показалось, стала заводиться. То, что дразнят потаскушкой, ее не особенно трогало:

JAN KUEHNEMUND

когда такое слово намалевано у тебя сзади на куртке, вполне возможно, что кто-то произнесет его вслух. Но вот что действительно вывело Мегеру из себя, так это чье-то неосторожное замечание по поводу ее полицейской кепки. Это был уже удар ниже пояса.

— Кривляка! Кепку нацепила!

Когда тебя обзывают потаскушкой — это еще туда-сюда, но кривляка... Королева-Мегера схватила дюжего малого за ворот куртки и рванула на себя. Они оказались нос к носу.

— Слушай, ты! Ты просто завидуешь, потому что у такой свиньи, как ты, никогда не будет такой девчонки, как я.

Потом отшвырнула его, повернулась и пошла дальше с Венерой и Огонь-бабой. Только худенькие плечики как-то еще острее стали...

В пригороде Нью-Йорка в кирпичном доме живет Ейл. Живет вместе с родителями. Все в доме чистенько, всякая вещь занимает раз и навсегда отведенное ей место. Но так кажется, пока не попадаешь в комнату Ейл, обычную спальню обычной девушки из пригорода. Особого беспорядка нет, но вещей набито битком. Постель, занимающая немалую часть комнаты, завалена подушками, груда плюшевых зверюшек. Стена напротив увешана афишами концертов: «Минстрик» и «Айрон Мэйдэн», «Минстрик» и «Антракс», «Минстрик» и Оззи Осборн, «Минстрик» и «Мотор Хэд»...

— Помню, я еще совсем девчонкой была, и больше всего мне тогда хотелось научиться стучать на барабанах, как один зверек из кукольного шоу «Маппитс», — рассказывает она, пока внизу кипятится вода для чая.

Было время, когда Ейл и ее подруги Марлин, Тина, Рина и Мартина зарабатывали себе деньги тем, что ходили по домам и наводили маникюр домохозяйкам и пенсионеркам. Но эти времена позади. Ейл стучит на барабанах не хуже ударников-мужчин, и «Минстрик», группа пяти маникюрщиц из нью-йоркского пригорода, производит впечатление не хуже «Металлики» (но у «Минстрик» есть один плюс — женское очарование).

Нелегкое это занятие — рокершами быть. Они уже ко многому попривыкли: могут по-свойски обходиться с хозяевами клубов и менеджерами — загребушие ручищи, могут сносить оскорбления и дешевые подначки, давно не удивляются, что воспринимают их только лишь как чьих-то подружек и не более того. И то, что домочадцы и друзья смотрят на них как на паршивых овец — это их тоже уже не особенно трогает. Но вот действительно невыносимо для них другое: наших металлисток не хотят понять даже их парни.

— Когда бы я ни повстречалась с Джо из «Антракса», надо обязательно выслушивать, что это он такое там сейчас творит. Но стоит мне принести что-нибудь свое, как Джо заводит: «Нет-нет, да не могу я слушать полуфабрикаты», — жалуется «минстричка» Рина. — Это просто нечестно, ведь я-то всегда старалась их поддержать, так радовалась за них, когда у них что-то выходило, ходила сама не своя и напевала их песни. Ну, естественно, я рассчитывала, что и мне будут платить тем же. А тут... Скажешь ему: «Вот взгляни, я новую песню написала». А он на первую строчку только посмотрит и отложит листок.

Это их негодование чувствуется в музыке «Минстрик» — живой, напористой. Это взрывной, мощный металл. И все же он как-то и не вяжется с этими пятью девушками, жалующимися на своих парней. Господи, ну что ж такого в них во всех, что заставляет немножечко жалеть их? Может, все потому, что они и сами как бы постоянно оправдываются?

— Сегодня, ребятки, танцуем до упаду! Еще бы! Разве может быть иначе, когда речь идет о рок-н-ролле?! Как насчет скандально известных и к тому же чертовски очаровательных «Мотопотаскушек из Ада»?!

Прозвучали позывные телепередачи, по знаку ассистентов раздались аплодисменты и приветственный рев зрителей. Мортон Дауни¹ пожирал взором сборище. Когда Королева-Мегера заняла свое место, двадцать пять головорезов с «петушиными гребнями» на головах и мафиозной щетиной на щеках завыли и заулюлюкали.

— Королева, ваша музыка — это только музыка или нечто

большее? Вы пытаетесь что-то сказать своей музыкой? — спросил Мортон Дауни.

— Думаю, что всем этим мы занялись еще и потому, что это страшно тяжело — пробиться в рок-н-ролле женщине. Нас просто не принимали всерьез. Главное, что мы хотим сказать: вовсе не обязательно у кого-то что-то вымалывать, стоя на коленях, лишь бы только присоединиться к рок-н-роллу...

— Да хватит прикидываться! — завопил в микрофон один из «петушиных гребешков». — Потаскушки — слово, которое вы сами выбрали для названия! Вы — потаскушки...

Отвратительно. Пока я шел к выходу, я все слышал его голос. Единственное, чего мне в тот момент хотелось, — поскорей добраться до дома и залезть в ванну. В который раз я был сражен скудоумием Америки, где тебя готовы разорвать на куски из-за того лишь, что ты не похож на всех остальных. Дождавшись такси, я обратил внимание на средних лет мужчину и его спутницу, оформлявших документы в отделе выдачи пропусков. В это время шла трансляция «Шоу Мортон Дауни», звук, правда, в телевизоре был выключен. Дискуссия к тому моменту уже закончилась, и «Мотопотаскушки», на этот раз в полном составе, все четыре девушки-вокалистки и четверо ребят-музыкантов — начали выступление.

— Кто это: парень или девушка? — обратилась женщина к своему спутнику, увидев на мониторе крупным планом Однопроцентную Милашку.

— Где?

— Да вот же.

— Не знаю.

— Вырасти у меня в семье такое, удавила бы собственными руками.

Подъехало такси, а меня разобрал смех: может, у девчонок что-то и не выходит, но если они сумели вызвать такую реакцию, что ж — они на верном пути. Обидели «старичков», обидели красавцев-мальчиков, кого-то там еще обидели — это ли не рок-н-ролл?

Перевел с английского К. ИЩЕНКО

¹ Автор и ведущий телевизионной программы «Шоу Мортон Дауни», участниками которой обычно бывают люди, чьи взгляды и поведение вызывает неоднозначную реакцию в Америке (левые журналисты, фашисты и т.д.). Вопросы участникам программы задают зрители, которые находятся в студии. — Прим. пер.

... что говорят... что пишут... что говорят... что пишут...

«ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ», столь распространенное ныне среди производителей многих товаров (например, в Англии упаковочную бумагу и пакеты делают из макулатуры и непременно где-нибудь в уголке листа об этом пишут — чтобы совесть упаковывающего не мучила), проникло и в поп-музыку. Видимо, этим объясняется характерный для нынешних времен всплеск «ремиксов»: когда берется какой-нибудь двадцати-тридцатилетней давности хит и подновляется с помощью модных технических средств. Нехитрая операция омоложения — и вот он, старый хит со вполне юной физиономией, главное: умело спрятать швы от «подтяжки». Фирмы грамзаписи немало на этом экономят, особенно если в свое время позаботились по дешевке приобрести авторские права. И верно — к чему «засорять» память слушателей новой музыкой, когда старая — дешевле?

ЕСЛИ ВЫ ЕЩЕ НЕ БЫВАЛИ В ЛОС-АНДЖЕЛЕСЕ, то перво-наперво знайте: этот город ничем не удивит. Однако нашелся-таки некий весельчак-дизайнер по имени Хэрри Сегил, приехавший в Лос-Анджелес из ЮАР. А как приехал, так сразу всех удивил и победил. Даже не столько победил, сколько убедил публику, изнывавшую под гнетом правил и условностей хорошего тона и вкуса, сказав ей: «Да наплюйте вы на все эти традиции и стихи! Дайте волю фантазии! Раскройте вашу жизнь!»

Атака на хороший вкус удалась, и публика, включая городскую элиту, валом повалила на распродажи мебели и безделушек самых немислимых образцов и расцветок, придуманных Хэрри.

А и вправду, какая же это тоска вечно жить по правилам хорошего тона! Тут и богатые заплачут. И как славно окружить себя разностильем и безвкусицей!

КАЖЕТСЯ, ПУБЛИКА ПЕРЕНЕСЛАСЬ НА ДВАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД, в легендарные уже 70-е, а на сцене — «АББА». И вправду, издали артистов вполне можно принять за некогда знаменитый шведский квартет. Все как было: две дамы (одна блондинка, другая — брюнетка) в обрамлении двух господ. И хореография по теперешним меркам вычурна и старомодна, и костюмы смешны: золотые сапоги на высоченной платформе и расклешенные брюки. Но песни из репертуара настоящей «АББА» приводят публику в восторг, как и двадцать лет назад.

Новая группа из Дании называется «АББА ривайвл бэнд» и на концерты ее рвутся, и мучимые ностальгией 40-летние, и те, кто пребывал в пленках в момент громкой славы настоящей АББА. Атмосфера на концертах самая теплая: люди в зале братаются, водят хоромы и подпевают. Нет ни давки, ни потасовок, ни хмурых физиономий обязательных нынче телохранителей.

Удовольствие получают все — уже хотя бы потому, что никто не воспринимает происходящее всерьез.

... что говорят... что пишут... что говорят... что пишут...

«НЕ БУДЬ ЖЕСТОК К ШКОЛЕ», — пел Элвис Пресли. С ним спорил несравненный герой нашего журнала Ди Снайдер: «Будь жесток к школе». Еще один герой рок-сцены Стинг утверждал, что учительское прошлое научило его «стоять перед кучей подростков и притом не чувствовать себя полным идиотом».

И все же, друзья, будьте хоть немного добрее: подсчитано, что 28 процентов всех существующих в мире учителей (а их, тоже подсчитано, ни много ни мало — тридцать миллионов) регулярно принимают лекарства от депрессии; 26 процентов не могут уснуть без снотворного; в течение одного полугодия каждый учитель подвергается оскорблениям со стороны учеников в среднем четыре раза; а смертность от сердечных заболеваний среди учителей-мужчин гораздо выше, чем среди учительниц (видно, потому мужчины и боятся идти в школы).

Многие великие мира сего, уйдя с педагогического поприща, добились невиданных успехов — среди них философ Бертран Рассел, художник Ван Гог, композитор Шуберт, а английский писатель Д.-Г. Лоуренс говорил, что, может быть, и вернулся бы в школу — но при одном условии: если там не будет школьников. Так что вполне возможно, что в стоящих у доски математичке или историчке дремлют великий исследователь или поэт — и только вы мешаете им проснуться!

НЕУМОЛИМОЕ ВРЕМЯ ставит под сомнение даже народные мудрости. Ну вот, например, как отнестись к такому: «Волос долог, да ум короток»? «Да ничего подобного! — воскликнула половина опрошенных немецких юншей. — Девушки с длинными волосами необычайно женственны, привлекательны и совсем не глупы!»

Зато по мнению другой половины опрошенных, девушки с короткими стрижками нисколько не хуже длинноволосых и, кроме того, выделяются среди своих сверстниц независимым характером и уверенностью в себе, иногда, увы, переходящими в чрезмерную эмансипированность. Что явно излишне.

А вообще-то милая, неглупая девушка одинаково хороша и с длинными, и с короткими волосами, не стоит только забывать, что прически время от времени рекомендуется менять. Образ мыслей при этом менять необязательно.

ДРУЖИЛИ ДОМАМИ, А ВЕРНЕЕ ВИЛЛАМИ, две американские знаменитости: Майкл Джексон и кинозвезда Бо Дерек.

Виною всему оказались телохранители Джексона, следившие за каждым шагом гордой красавицы Бо во время ее визитов к соседу и всякий раз на прощание требовавшие от нее чуть ли не расписок, что никогда и никому она не скажет о том, что видела и слышала в доме Майкла.

Вот уж действительно, зачем же тогда дружить с соседом, если о нем и посплетничать нельзя?

ОСЕНЬ ЖИЗНИ КОРАБЛИ, КАК И ЛЮДИ, встречаются по-разному: одни забытые и покинутые всеми, другие в окружении добрых людей обретают новый смысл жизни. Так случилось со старым парусником «Петрина», который экологи спасли от алчных торговцев металлоломом и от переплавки. Теперь старушка «Петрина» стала плавающей экологической лабораторией и раз в месяц с 13 пассажирами на борту выходит в открытое море. Короче, старый парусник лег на «зеленый» курс.

В течение недели пассажиры становятся слушателями экологического семинара, овладевают теорией и практическими навыками охраны окружающей среды, а заодно учатся ходить под парусом.

Удовольствие недешевое — 4500 марок в неделю. Кто может — платит сам, за других платит учреждение или предприятие, что весьма разумно: какой дальновидный руководитель сегодня не пожелает иметь под своим началом экологически подкованного сотрудника?

е

трудом я добрался до своей комнаты и бросился на постель. Но я не мог уснуть. Никогда до сих пор я не ощущал в такой степени, что только тонкий, непроницаемый слой отделяет меня от их мира. И обостренным чутьем я знал, что и внизу тоже не спят; не глядя, я видел, не слушая — слышал, как он беспокойно ходит взад и вперед по своей комнате, в то время как она боязливо притаилась где-нибудь в столовой или, подслушивая, бродит безмолвным призраком. Но я чувствовал, что глаза их не смыкались, и их бессонница охватила и меня, навевая ужас; как кошмар, давил меня этот тяжелый безмолвный дом со своими тенями и мраком.

Я сбросил одеяло. Мои руки горели. Куда я попал? Я подошел вплотную к тайне, ее горячее дыхание уже почти коснулось моего лица, и снова она ускользнула; но ее тень, ее молчаливая, непроницаемая тень с тихим шелестом блуждала вокруг меня; я чувствовал ее жуткое присутствие в доме; крадучись, как кошка, тихо ступая на мягких лапах, всегда она подстерегала меня, то приближаясь, то удаляясь, прикасаясь ко мне своей наэлектризованной шерстью, живая и все же призрачная. И в темноте мне все чудился его обволакивающий взгляд, мягкий, как его протянутая рука, и другой взгляд — пронзительный, угрожающий, испуганный взгляд его жены. Какое мне дело до их тайны? Почему я очутился с завязанными глазами посреди их бушующих страстей? Зачем толкали они меня в свой непонятный раздор и взвалили на мои плечи эту пылающую ношу гнева и ненависти?

Голова моя все еще горела. Я вскочил и открыл окно. Мирно покоится город под летними облаками. Еще светятся огни в окнах, там сидят люди — кто в дружеской беседе, кто за книгой, кто наслаждаясь музыкой. И, конечно, спокойным сном спят там, где огонь уже погашен. Над крышами отдыхающих домов стелилась, как свет луны в серебристом тумане, мягко

СМЯТЕНИЕ ЧУВСТВ

Из записок старого человека

Стефан Цвейг

опустившаяся тишина и кроткий покой; и одиннадцать ударов башенных часов коснулись слуха всех бодрствующих и дремлющих. Только я один тревожно метался, ища выхода из злой осады чужих мыслей; лихорадочно стремилась душа разгадать этот волнующий шорох.

Но что это? Как будто шаги по лестнице? Я прислушиваюсь. И действительно, кто-то ошупью бродит в темноте, осторожными, нерешительными, нетвердыми шагами подымается по ступенькам. Мне был знаком этот жалобный стон протоптанной лестницы. Они направлялись ко мне — эти шаги: кроме меня, никто не жил в этой мансарде, не считая глухой старухи, которая давно уже спала и никого не принимала. Неужели мой учитель? Нет, это не его торопливая, нервная походка: эти шаги нерешительны; боязливо они останавливаются — вот опять! — на каждой ступеньке: так приближается вор, преступник, но не друг. Я прислушивался так напряженно, что у меня в ушах зазвенело. Дрожь пробежала по всему телу. Но вот щелкнул в замке ключ. Вот он уже у дверей, этот страшный гость. Легкое дуновение ветра коснулось моих голых ног — значит, входная дверь открылась. Но ключ был только у него — у моего учителя. А если это он, то почему так нерешительно, будто чужой? Неужели он беспокоился, хотел посмотреть, что со мной? И почему он неподвижно остановился в передней?... Умолкли приближавшиеся воровские шаги. Я остолбенел от ужаса. Мне хотелось крикнуть, но голос не повиновался мне. Я хотел отпереть, но ступни будто прилипли к полу. Только тонкая перегородка отделяла меня от страшного гостя. Но ни один из нас не делал ни шага.

Но вот раздался удар башенных часов: только один удар — четверть двенадцатого. И этот удар привел меня в чувство. Я раскрыл дверь.

И действительно, передо мной стоял мой учитель со свечой в руке. Ветерок, возникший от быстро распахнувшейся двери, заставил вздрогнуть голубое пламя, и за ним зашаталась, как пьяная, от стены к стене, вырвавшись из своего оцепенения, огромная, вздрагивающая тень. Но и он, увидев меня, сделал движение: он съехался, как человек, который проснулся от неожиданно коснувшейся его струи холодного воздуха и невольно натягивает на себя одеяло. Он подался назад: свеча, капая, колебалась в его руке. Я дрожал, испуганный почти до потери сознания.

— Что с вами? — с трудом пролепетал я.

Он посмотрел на меня, не говоря ни слова: ему что-то мешало говорить. Наконец он поставил свечу на комод, и тень, носившаяся по комнате, как летучая мышь, успокоилась. Он попытался заговорить:

— Я хотел... я хотел... — бормотал он.

Голос опять оборвался. Он стоял, опустив глаза, как пойманный вор. Невыносимо было это чувство страха и этот столбняк, охвативший нас — меня, в одной рубашке, дрожавшего от холода, и его, ушедшего в себя, смущенного, пристыженного.

Вдруг он выпрямился во весь рост и подошел ко мне вплотную. Улыбка, злая улыбка фавна, сверкавшая где-то в глубине глаз (губы его были крепко сжаты), оскаливалась на меня, как незнакомая маска. И подобно змеиному жалу, прорезал ее язвительный голос:

— Я хотел сказать вам... Оставимте лучше это «ты»... Это... это... не годится между учеником и учителем... понимаете... надо соблюдать дистанцию... да-с... дистанцию.

И он смотрел на меня с такой ненавистью, с такой оскорбительной, бьющей по щекам отчужденностью, что его рука невольно сжималась в судороге. Я отшатнулся. Обезумел ли он? Был ли он пьян? Он стоял, сжав кулаки, как будто хотел броситься на меня или ударить меня по лицу.

Продолжение. Начало см. в № 8-10 за этот год.

Но этот ужас длился только один миг: уже через секунду убийственный взгляд погас. Он повернулся, пробормотал что-то вроде извинения и схватил свечу. Словно черный услужливый дьявол, поднялась придавленная к земле тень и заколебалась перед ним, направляясь к двери. И он вышел, прежде чем я успел собраться с мыслями и вымолвить слово. Дверь хлопнулась с сухим стуком, и лестница закрипела, измученно и тяжело, под его равномерными шагами.

Никогда я не забуду этой ночи: холодный гнев переходил в беспомощное, жгучее отчаяние. Как ракеты, взрывались пронзительные мысли. «За что он терзает меня? — тысячи раз мучительно вставал передо мной вопрос. — За что он так ненавидит меня — настолько, чтобы ночью прокрасться по лестнице и с такой злобой бросить мне в лицо тяжелое оскорбление? Что я ему сделал? Что я должен сделать? Как примирить его с собой, не ведая, в чем моя вина?» Пылая, бросался я в постель, снова вскакивал и опять скрючивался под одеялом. Но ни на минуту не покидал меня этот призрак — мой учитель, робко подкрадывающийся и смущенный моим присутствием, а за ним, загадочно чужая, огромная, колеблющаяся на стене тень.

Проснувшись утром после тяжелого забытья, прежде всего я стал себя уговаривать, что я видел дурной сон. Но на комодке отчетливо виднелись круглые желтые пятна от стеариновой свечи. И посреди залитой солнцем комнаты ужасным воспоминанием стоял исподтишка подкрадывшийся, призрачный гость.

Все утро я просидел дома. Мысль о встрече с ним повергала меня в уныние. Я пробовал писать, читать — ничего не удавалось. Мои нервы, как взрывчатое вещество, каждую минуту грозили взорваться в судорожном рыдании, в вое; мои пальцы дрожали, как листья на дереве — я не был в состоянии их унять. Колени сгибались, как будто перерезаны их сухожилия. Что делать? Что делать?

Я доводил себя до изнеможения неотступным вопросом: что все это могло означать? Но только не двигаться с места, не спускаться, не предстать перед ним, пока нервы не окрепнут, пока я не уверен в себе! Снова я бросился на постель, голодный, непричесанный, неумытый, расстроенный, и снова мысли пытались пробиться сквозь тонкую стенку: где он сидел теперь? что он делал? бодрствовал ли он, как я? переживал ли такую же пытку?

Настало время обеда, а я все еще бился в судорогах своего отчаяния, когда слышались, наконец, шаги по лестнице. Мои нервы забили в набат: но шаги были легкие, беззаботные, перескакивавшие через ступеньку. Раздался стук в дверь. Я вскочил, не открывая.

— Кто там? — спросил я.

— Почему вы не идете обедать? — ответил несколько раздосадованный голос его жены. — Вы больны?

— Нет, нет, — пробормотал я сконфуженно, — я сейчас приду. — Мне не оставалось ничего другого, как поспешно одеться и сойти вниз; но я должен был держаться за перила лестницы — так у меня подкашивались ноги.

Я вошел в столовую. Перед одним из двух приборов сидела жена моего учителя и поздоровалась, посылая мне упрек, что приходится напоминать о времени обеда. Его место оставалось пустым. Я чувствовал, как кровь прилиwała к голове. Что означало его неожиданное отсутствие? Неужели и он боялся встречи? Неужели он стеснялся меня, или он не хотел сидеть со мной за столом? Наконец я решил спросить, не придет ли профессор.

Она удивленно посмотрела на меня:

— Разве вы не знаете, что он уехал сегодня утром?

— Уехал? — пробормотал я. — Куда?

В ее лице тотчас же появилось напряжение:

— Об этом мой супруг не довел до моего сведения; вероятно, в одну из своих обычных прогулок. — И вдруг повернувшись ко мне, она резко спросила: — Но как же вы об этом не знаете? Ведь еще вчера ночью он подымался к вам. Я думала, он пошел проститься с вами. Странно, действительно странно, что он и вам ничего об этом не сказал.

— Мне! — вырвался крик из моих уст. И с этим криком, к моему стыду, к моему позору, вырвалось все, что я пережил за последние часы. Я был уже не в силах сдерживаться: плач, не-

стовое судорожное рыдание, бешеным поток слов и криков, — все вылилось в один вопль безумного отчаяния, вырвавшийся из стесненной груди; я заплакал — да, я сбросил с себя, утопил в истерических рыданиях всю подавленную муку. Я бил кулаками по столу, я бесился, как обезумевший ребенок; слезы ручьями текли по лицу, и в них разрядилась гроза, неделями томившая меня своей тяжестью. И вместе с облегчением этот бурный взрыв принес чувство безграничного стыда перед нею за свою откровенность.

— Что с вами? Ради Бога! — она вскочила, растерявшись. Но затем она быстро подошла ко мне и отвела меня на диван. — Ложитесь. Успокойтесь. — Она гладила мне руки, проводила рукой по моим волосам, в то время как все мое тело еще содрогалось от последних рыданий.

— Не мучьте себя, Роланд, не позволяйте себя мучить. Мне все это знакомо, я все это предчувствовала. — Она все еще гладила мои волосы. — Я сама знаю, как он может запутать человека — никто не знает этого лучше, чем я. — Голос ее стал жестким. — Но, поверьте, мне всегда хотелось предостеречь вас, когда я видела, что вы всецело опираетесь на того, кто сам лишен опоры. Вы его не знаете, вы слепы, вы дитя — вы ничего не подозревали до сегодняшнего дня, не подозреваете и сейчас. Или, может быть, сегодня у вас впервые открылись глаза — тем лучше для него и для вас.

Она нежно наклонилась ко мне; ее слова доносились ко мне, как будто из хрустальной глубины, и я чувствовал успокаивающее прикосновение ее рук. Отрадно было встретить, наконец, каплю сострадания, и не менее отрадно вновь почувствовать нежное касание женской, почти материнской руки. Может быть, слишком долго я был лишен этого, и, когда теперь, сквозь вуаль скорби, я почувствовал нежную заботливость женщины, мне улыбнулся луч света в бездонном мраке охватившего меня горя. Но мне было стыдно — как мне было стыдно этого предательского припадка, этого выставленного напоказ отчаяния! И против моей воли случилось так, что, едва собравшись с силами, я еще раз дал волю бурному негодованию, рассказывая, как он привлекает меня к себе, чтобы оттолкнуть через минуту, как он меня преследует, как он бывает суров со мной без всякого повода, — этот мучитель, к которому я все же так привязан, которого я, любя, ненавижу и, ненавидя, люблю. И снова охватило меня волнение, и снова я услышал слова успокоения, и нежные руки мягко усаживали меня на оттоманку, с которой я вскочил в пылу возбуждения. Наконец я усмирился. Она в раздумье молчала; я чувствовал, что она понимает все — и, может быть, больше, чем я сам.

В течение нескольких минут нас связывало молчание. Она поднялась первая.

— Теперь будет — довольно вам быть ребенком, опомнитесь: ведь вы мужчина. Садитесь к столу и кушайте. Ничего трагичного не произошло — недоразумение, которое должно разъясниться, — и, заметив мою безнадежность, она горячо прибавила: — Оно разъяснится, я больше не позволю ему завлекать и смущать вас. Этому должен быть положен конец: он должен, наконец, научиться немного владеть собой. Вы слишком хороши, чтобы стать предметом его приключений. Я с ним поговорю, положитесь на меня. А теперь пойдемте к столу.

Пристыженный и безвольный, я вернулся к столу. Она говорила с какой-то поспешностью о безразличных вещах, и я был в душе благодарен ей за то, что она как будто не придавала значения моему неуместному взрыву и чуть ли уже не забыла о нем. Завтра воскресенье, и она, с доцентом В. и его невестой, собирается на прогулку к соседнему озеру; я должен принять в ней участие, развлечься и забыть о занятиях. Мое тревожное самочувствие проистекает от утомления и нервного возбуждения: на воде или на прогулке по суше мое тело опять приобретет равновесие. Я обещал прийти. На все я был согласен, лишь бы не оставаться в одиночестве в своей комнате со своими мятущимися во мраке мыслями!

— И сегодня после обеда нечего вам сидеть дома! Гуляйте, развлекайтесь, веселитесь! — настойчиво прибавила она.

«Как странно, — подумал я, — как она угадывает мои затаенные чувства, как она, чужая, всегда знает, что мне нужно, чего мне не хватает, в то время как он, зная меня так близко, ошибается во мне и угнетает меня». И это я обещал ей. И, остановив

на ней благодарный взгляд, я увидел совсем другое лицо: насмешливость, надменность, придававшая ей здоровый, веселый, мальчишеский вид, исчезли, и появилось в нем выражение мягкости и участия: никогда я не видал ее такой взволнованной. «Почему он никогда не смотрит на меня так ласково? — страстным вопросом шевелилось во мне смутное чувство. — Почему он никогда не чувствует, что причиняет мне боль? Почему он ни разу не коснулся меня такой успокаивающей рукой?» Я благоговейно поцеловал ее руку, которую она поспешно отдернула.

— Не мучьте себя, — повторила она еще раз, и ее голос прозвучал возле самого моего уха.

Но снова вокруг ее губ залегла жесткая складка: резко поднявшись, она тихо проговорила:

— Поверьте мне: он этого не стоит.

И эта еле слышно прозвучавшая фраза опять растравила едва затянувшуюся рану.

Все, что я делал в этот день и в этот вечер, до того смешно и ребячливо, что я долгое время стеснялся об этом вспоминать, и всякий раз, как мысли мои останавливались на этих продиктованных страстью безумствах, так мало гармонизировавших с трагедией чувства, которую я переживал, какой-то внутренний запрет прогонял это воспоминание. Сегодня я не испытываю этого стыда — напротив, я глубоко понимаю этого необузданного, страстного юношу, каким я был тогда, эту глупо трогательную попытку побороть свою слабость.

Будто в противоположном конце необычайно длинного коридора, будто в телескоп я вижу растерянного, охваченного отчаянием юношу. Он подымается к себе наверх, не зная, что ему делать с собой. И вот он надевает сюртук, придает себе бодрую походку, извлекает из себя решительные, развязные жесты и быстрыми, твердыми шагами отправляется на улицу. Да, это я, я узнаю себя, я знаю каждую мысль этого глупого, измученного мальчика. Я знаю; я выпрямился, стал перед зеркалом и сказал себе: «Чихать мне на него! Ну его к черту! Чего я мучаюсь из-за этого старого дурака? Она права: надо веселиться, надо развлекаться! Вперед!»

И вот в таком настроении я вышел тогда на улицу. Это был порыв к освобождению, и в то же время — бегство, трусливый уход от сознания, что эта бодрость напускная и что ледяной ком, застыв, все так же неотступно, так же безысходно давит сердце. Я помню: я шагал, стискивая в руке тяжелую палку, бросая вызывающий взгляд каждому встречному студенту: во мне шевелилось опасное желание вступить с кем-нибудь в спор, дать выход съедавшей меня злости, выместить ее на первом встречном. Но, к моему огорчению, никто не обращал на меня внимания. Так я дошел до кафе, где обычно собирались мои товарищи по семинарию, с намерением без приглашения сесть за их стол и малейшее замечание использовать как повод к вызову. Но и тут мое буйное настроение не нашло себе выхода: хороший день, вероятно, потянул многих за город, а двое-трое сидевших за столиком вежливо поклонились мне и не дали моему лихорадочному возбуждению ни малейшего повода к ссоре. Раздосадованный, я быстро сменил кафе на ресторан определенного пошиба, где подонки предместья веселились за кружкой пива, в клубах табачного дыма, под дребезжащие звуки женского хора. Я быстро опрокинул в себя две кружки пива, пригласил к себе за стол глупую, напудренную, толстую особу, выделявшуюся благодаря шраму на лбу, которым наградила ее пьяный матрос, и ее подругу — такую же намазанную, высохшую проститутку — и находил болезненную радость в том, чтобы вести себя как можно громче. В маленьком городе все знали меня как ученика профессора, и я испытывал обманчивое, мальчишеское удовлетворение от мысли, что компрометирую своего учителя: пусть они видят, думал я, что мне плевать на него, что я о нем не забочусь, и я ущипнул эту толстую бабу в широкие бедра, так что она вскрикнула с громким хохотом. За этим опьянением неистовой яростью последовало настоящее опьянение алкоголем, так как мы пили все вперемешку — и вино, и водку, и пиво; стулья падали от нашего гвалта, так что соседи предусмотрительно пересаживались подальше. Но я не испытывал стыда — напротив: «Пусть он об этом узнает, — повторял я себе в упрямом бешенстве, — пусть видит, как он мне безразличен; я ни-

сколько не опечален, не огорчен — напротив!»

— Вина, подайте вина! — кричал я, стуча кулаками по столу так, что стаканы дрожали. В конце концов я двинулся с обеими женщинами — одна по правую руку, другая по левую — через главную улицу, где в девять часов обычно встречались для мирных прогулок студенты и девицы, военные и штатские. Наш зыбкий, неопрятный трилистник шумно продвигался по мостовой, пока, наконец, не подошел к нам шущман с энергичным требованием вести себя скромнее. Я не сумею в точности описать, что произошло потом — густой, сивушный угар застилает мою память. Я знаю только, что с отвращением я откупился от этих двух пьяных баб, где-то еще выпил кофе и коньяк, перед зданием университета, к удовольствию сбежавшейся молодежи, произнес филиппику против профессоров. Наконец под влиянием глухого инстинкта, побуждавшего меня унижать себя все больше и больше и — безумная мысль безумно-страстного гнева! — тем выразить ему свое презрение, я решил отправиться в публичный дом, но не нашел дороги и, наконец, тяжелыми шагами добрал до дому. Открыть ворота представило немалый труд для моей худо повиновавшейся руки; с трудом я поднялся на первые ступеньки.

Но едва я дошел до его двери, как опьянение соскочило с меня, будто я окунулся головой в холодную воду. Отрезвившись, я вдруг увидел искаженную бессильным бешенством личину своего безумия. Стыд обуял меня. И совсем тихо, рабски покорно, как побитая собака, я прокрался, стараясь не быть замеченным, к себе в комнату.

Я спал как убитый. Когда я проснулся, солнце заливало пол и подбиралось к постели. Я быстро вскочил. В затуманенной голове постепенно вставало воспоминание о вчерашнем вечере. Но я старался подавить подымавшееся чувство стыда; я больше не желал стыдиться. «Ведь это его вина, — уговаривал я себя, — только из-за него я так опустился». Я успокаивал себя, что мои вчерашние похождения позволительны студенту, который в течение многих недель знал только работу, одну работу. Но я не чувствовал облегчения от этих оправданий, и, угнетенный, я спустился к жене моего учителя, помня вчерашнее обещание отправиться вместе за город.

Странно: как только я прикоснулся к ручке его двери, я опять ощутил его в себе, и с его образом вернулась та же жгучая, безумная боль, то же дикое отчаяние. Я тихо постучал. Его жена встретила меня удивительно мягким взглядом:

— Какие глупости вы делаете, Роланд! — сказала она скорее с сочувствием, чем с упреком. — Зачем вы мучите себя? — Я был ошеломлен: и она уже знает о моих глупых проделках. Но сейчас же она постаралась рассеять мое замешательство: — Зато сегодня мы будем благоразумны. В десять часов придет доцент В. со своей невестой, мы поедем за город, будем кататься на лодке, плавать и утопим все эти глупости.

Я робко предложил совершенно излишний вопрос:

— Приехал ли профессор?

Она посмотрела на меня, не отвечая, — ведь знал же я, что вопрос напрасный.

Ровно в десять часов пришел доцент, молодой физик. Как еврей, он стоял в стороне от академического общества. Он единственный бывал у нас, живших так замкнуто. С ним пришла его невеста или, скорее, подруга — молодая девушка, с уст которой не сходил смех, наивная, немного вульгарная, но приятная спутница для веселой прогулки. Прежде всего мы отправились по железной дороге, не переставая жевать, болтая и пересмеиваясь, к близлежащему маленькому озеру. Эти недели напряженной работы до такой степени отучили меня от веселой беседы, что уже этот первый час опьянил меня, как легкое, колющее язык вино. И в самом деле, им великолепно удалось ребяческими шалостями извлечь мою мысль из привычного, мрачно жужжащего улья, в котором она кружилась; и едва я, пустившись вперегонки с молодой девушкой, ощутил свои мускулы, как вернулась ко мне прежняя, беззаботная молодость. У озера мы взяли две лодки. Жена моего учителя села у руля моей лодки, в другой разделили весла доцент и его подруга. И едва мы отчалили, как нас обуяла спортивная страсть. Мы устроили гонки. Я был в худшем положении, так как должен был грести один, в то время как мои соперники гребли вдвоем. Но, сняв пиджак, я так приналег на весла, что, как опытный спортсмен, все время обгонял соседнюю лодку. Бесперывно

сыпались с той и с другой стороны подзадоривающие иронические замечания, и, не обращая внимания ни на сильную жару, ни на градом катившийся пот, мы, охваченные спортивным духом, работали, как каторжники на галерах. Но вот близка уже цель — покрытая лесом узкая коса. Еще ожесточеннее мы взялись за дело, и, к удовольствию моей спутницы, не менее чем я увлеченной соревнованием, мы первые носом лодки врезались в прибрежный песок.

Я выпрыгнул из лодки, разгоряченный, опьяненный непривычным солнечным жаром, возбужденно текущей по жилам кровью и радостью победы: сердце колотилось в груди, платье прилипло к потному телу. Доцент был в таком же состоянии, и наши дамы, вместо того чтобы воздать хвалу нашему усердию, жестоко высмеивали наше сопенье и довольно плачевный вид. Но, наконец, они дали нам время остыть. Среди шуток и смеха были установлены два отделения для купанья — мужское и женское — справа и слева от кустарника. Мы быстро надели купальные костюмы, за кустарником засверкало белоснежное белье, голые руки, и, пока мы еще собирались, обе женщины уже плескались в воде. Доцент, менее утомленный, чем я, победивший его в гонке, поспешил за ними. Я же, чувствуя, как сильно еще бьется сердце от слишком напряженной работы, уютно улегся в тени и смотрел, как тянулись надо мной облака; чувствуя сладкое томление во всех членах, я отдался полному отдыху.

Но через несколько минут донесся из воды голос:

— Роланд, вперед! Состязание! Приз за победу!

Я не двинулся с места: мне казалось, что я могу пролежать так тысячу лет, предоставив тело горячим лучам солнца и прохладному дуновению мягкого ветерка. Но опять послышался смех, голос доцента:

— Он бастует! Здорово мы его потрепали! Притащите лентя!

И в самом деле, раздался приближающийся плеск, и вот уже совсем близко ее голос:

— Роланд, идем! Состязаться! Мы им покажем!

Я не отвечал: мне доставляло удовольствие заставить себя искать.

— Где же он?

Заскрипел щебень, я услышал шум босых ног, бегущих по берегу, и вдруг она очутилась передо мной. Мокрый купальный костюм облегал мальчишески стройную фигуру.

— Вот вы где! Боже, какой лентяй! Но теперь живо, они уже почти на той стороне, у острова!

Я лежал на спине и лениво потягивался.

— Здесь гораздо лучше. Я вас догоню.

— Он не желает, — крикнула она, смеясь, складывая руки рупором по направлению к воде.

— В воду хвастунишку! — прозвучал издали голос доцента.

— Идемте, — нетерпеливо настаивала она, — не срамите меня.

Но я только лениво зевнул в ответ. Она, шутя и в то же время с досадой, сорвала с куста ветку.

— Вперед! — сказала она энергично и ударила меня веткой. Я приподнялся: она слишком сильно размахнулась, и тонкая красная полоска, будто кровь, выступила на моей руке.

— Теперь уж во всяком случае не пойду! — ответил я, будто шутя и в то же время слегка рассерженный. Но, разгневанная не на шутку, она повелительно сказала:

— Идемте! Сейчас же!

И когда я, из упрямства, не двинулся с места, она еще раз ударила меня, и на этот раз еще сильнее. Я почувствовал острую, жгучую боль. Я гневно вскочил, чтобы вырвать у нее ветку. Она сделала прыжок, но я схватил ее за руку. Наши полуобнаженные тела невольно соприкоснулись в борьбе за обладание веткой. Крепко держа ее за руку, я повернул ее в суставе, чтобы заставить ее выпустить ветку. Она наклонилась назад — вдруг раздался легкий треск: у нее на плече оборвалась застежка купального костюма; левая половина его упала, обнажив грудь. На мгновение я остановил на ней свой взор и смутился. Дрожа и стыдясь, я отпустил ее руку. Она, покраснев, отвернулась, чтобы шпилькой кое-как поправить беспорядок. Я стоял как вкопанный, не находя слов. Она тоже молчала. И с этой минуты установилось между нами какое-то томительное беспокойство, заглушить которое нам не удалось.

— Алло... алло... Где же вы? — послышались голоса с маленького острова.

— Иду, — ответил я поспешно и бросился в воду, воспользовавшись случаем выйти из затруднительного положения. Сделав несколько движений, я испытал захватывающее наслаждение. Прозрачная прохлада неощутимой стихии быстро рассеяла опасное возбуждение, и ропот крови уступил место более сильному и светлому чувству. Я быстро догнал их, вызвал доцента на целый ряд состязаний, в которых я неизменно оставался победителем, и мы поплыли обратно к косе, где жена моего учителя ожидала нас, уже одетая. Разобрав привезенные с собой корзины с провизией, мы устроили пикник. Весело и оживленно текла беседа, но мы оба невольно избегали обмена репликами. И если случайно встречались наши взоры, мы поспешно отводили их друг от друга, под влиянием одного и того же неприятного чувства: еще не сгладились ощущение неловкости от происшедшего инцидента, и каждый из нас вспоминал о нем со стыдливым беспокойством.

Время летело незаметно. Подкрепившись, мы снова сели в лодки, но спортивный пыл постепенно уступал место сладостному утомлению: вино, жара, солнечные лучи просачивались в кровь и придавали тяжесть телу. Доцент и его подруга уже позволяли себе маленькие интимности, которые вызывали в нас чувство неловкости; чем ближе придвигались они друг к другу, тем ревнивее хранили мы известную отдаленность; оставаясь с глазу на глаз, когда во время прогулки в лесу жених и невеста отставали от нас, чтобы обменяться поцелуями, мы испытывали смущение, и разговор наш прерывался. В конце концов все были довольны, когда снова очутились в поезде: они — в предвкушении вечера, сулившего им новые радости, а мы — в надежде выйти, наконец, из этого неловкого положения.

Доцент и его подруга проводили нас до нашего дома. На лестницу мы подымались одни. Едва мы вошли в дом, меня снова охватила мучительная мысль о нем. «Если бы он уже вернулся!» — подумал я с тоской, и, как будто прочитав на моих устах этот невидимый вздох, она проговорила:

— Посмотрим, не вернулся ли он?

Мы вошли. В квартире — тишина. В его комнате запустение. Невольно рисовало мое больное воображение его подавленную, трагическую фигуру в пустом кресле. И снова нахлынуло прежнее чувство озлобления: почему он уехал, почему покинул меня? Все яростнее подступал к горлу ревнивый гнев. Снова глухо бушевала во мне нелепая жажда причинить ему боль, выказать ему свою ненависть.

Его жена неотступно следила за мной.

— Мы поужинаем вместе. Вы не должны сегодня оставаться в одиночестве.

Откуда она знала, что я боялся своей пустой комнаты, содрогался от скрипа лестницы, от гложащих душу воспоминаний? Все она угадывала во мне, каждую невысказанную мысль, всякое злое побуждение.

Какой-то непонятный страх обуял меня — страх перед самим собой, перед туманящей мыслью ненавистью к нему. Я хотел отказать. Но струсил и остался.

Супружеская измена всегда внушала мне отвращение, но не из нравственного педантизма, не из лицемерного чувства приличия, даже не потому, что прелюбодеяние всегда является воровством, присвоением чужого тела, но главным образом потому, что всякая женщина в такие минуты предает другого человека, каждая становится Далилой, вырывающей у обманутого тайну его силы или его слабости, чтобы выдать его врагу. Предательством кажется мне не то, что женщина отдается сама, но то, что, в свое оправдание, она с другого срывает покрывало стыда; не подозревающего измены, спящего она отдает на посмешище язвительному любопытству торжествующего соперника.

И потому самой недостойной низостью в моей жизни кажется мне не то, что, ослепленный безграничным отчаянием, я искал утешения в объятиях его жены — с роковой неизбежностью, без участия воли, мгновенно переплавилось ее сострадание в иное влечение; оба мы, сами того не сознавая, ринулись в эту пылающую бездну — нет, низостью было то, что я позволил ей рассказывать мне о нем самое интимное, выдать мне тайну их супружества. Зачем я не запретил ей говорить мне о

том, что годами он избегал физической близости с нею, и делать какие-то смутные намеки? Зачем не прервал ее властным словом, когда она выдавала мне самую интимную его тайну? Но я так жаждал узнать о нем все, мне так хотелось уличить его в неправоте по отношению ко мне, к ней, ко всем, что я с упоением выслушивал эти гневные признания — ведь это было так похоже на мои собственные переживания — переживания отвергнутого! Так случилось, что мы оба, из смутного чувства ненависти, совершили деяние, облеченное в личину любви; в то время как сливались воедино наши тела, мы думали и говорили о нем, только о нем. Временами ее слова причиняли мне боль, и мне было стыдно, что, ненавидя, я впадал в соблазн. Но тело уже не повиновалось моей воле; неудержимо оно отдавалось страсти. И, содрогаясь, я целовал губы, предавшие его.

На другое утро я поднялся к себе, полный жгучего стыда и отвращения. Теперь, когда не опьяняла меня близость ее горячего тела, мерзость моего предательства встала предо мной во всей своей неприкрытой наготы. Никогда больше — я это чувствовал — я не посмею взглянуть ему в глаза, пожать ему руку: не его я ограбил, а себя — себя лишил самого ценного своего достояния.

Оставалось только одно спасение: бегство. Лихорадочно я стал укладывать свои вещи, книги, уплатил хозяйке; он не должен меня застать; я должен исчезнуть, без видимого повода, таинственно, как исчезал он. Но посреди поспешных сборов руки мои вдруг оцепенели: я услышал скрип лестницы и торопливые шаги — его шаги.

Должно быть, я был бледен, как мертвец: во всяком случае, он испугался.

— Что с тобой, мальчик? Ты нездоров? — спросил он.

Я отшатнулся. Я уклонился от него, когда он хотел меня поддержать.

— Что с тобой? — повторил он испуганно. — С тобой что-нибудь случилось? Или... или... ты еще сердишься на меня?

Судорожно я держался за подоконник. Я не мог смотреть на него. Его теплый, участливый голос растревал мою рану; я был близок к обмороку; я чувствовал, как разливается во мне пламенный поток стыда — горячий, пылающий, — обжигая и сжигая меня.

Он стоял, изумленный, в смущении. И вдруг — так робко, почти шепотом он задал странный вопрос:

— Может быть... тебе... что-нибудь... рассказали обо мне?

Не поворачиваясь к нему лицом, я сделал отрицательный жест. Но им, казалось, овладело какое-то опасение; он настойчиво повторял:

— Скажи мне... сознайся... тебе что-нибудь... рассказали обо мне... кто-нибудь... я не спрашиваю, кто.

Я отрицательно мотал головой. Он стоял, растерянный. Но вдруг он заметил, что мои чемоданы уложены, книги собраны и что своим приходом он прервал последние приготовления к отъезду. Взволнованно он приблизился ко мне:

— Ты хочешь уехать, Роланд? Я вижу... скажи мне правду.

Я взял себя в руки.

— Я должен уехать... простите меня... но я не в силах об этом говорить... я напишу вам.

Больше ничего я не мог выдавить из судорожно сжатого горла, и каждое слово отдавалось болью в сердце.

Он оцепенел. Но вот вернулся к нему его усталый, старческий облик.

— Может быть, так лучше, Роланд... — заговорил он. — Да, наверное, так лучше... для тебя и для всех. Но раньше чем ты уйдешь, я хотел бы еще раз побеседовать с тобой. Приходи в семь часов, в обычное время... тогда мы простимся, как подбаивает мужчине с мужчиной. Только не нужно бегства от самих себя... не нужно писем... то, что я тебе скажу, не поддается перу... Так ты придешь, не правда ли?

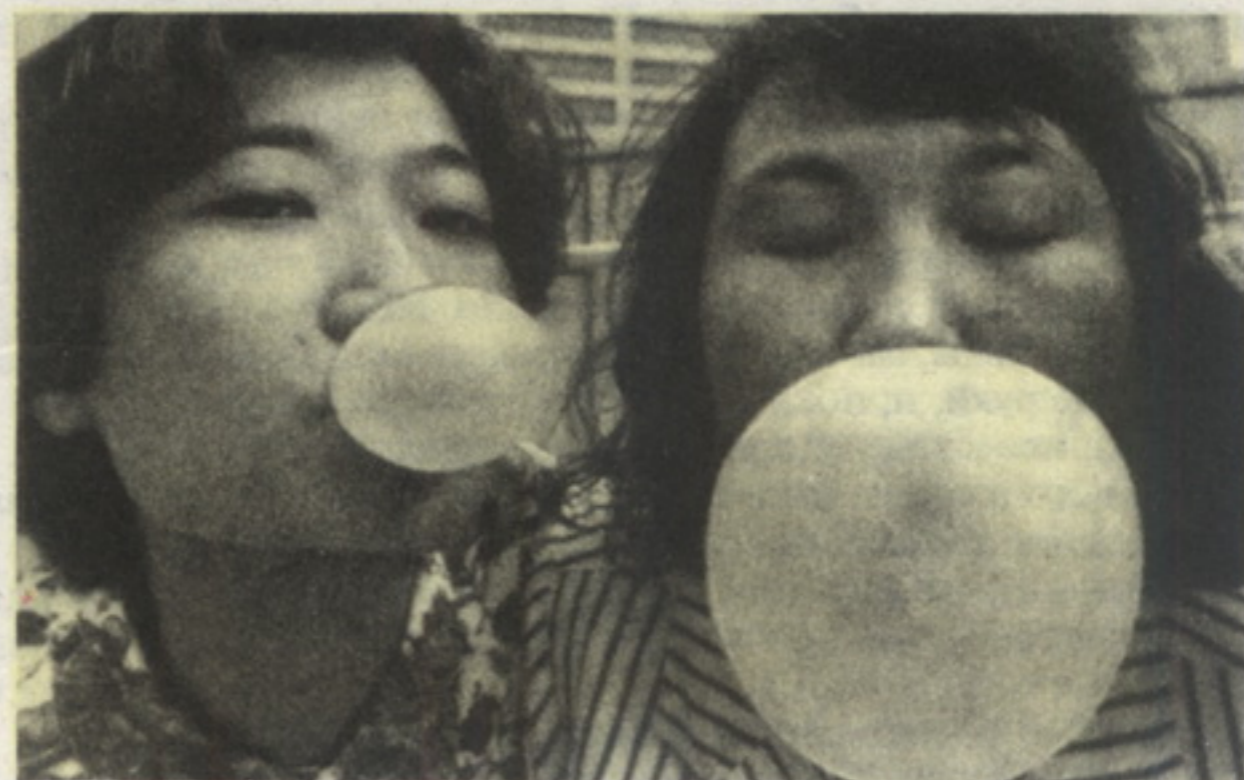
Я только кивнул головой. Мой взор все еще был обращен к окну. Но я не замечал утреннего блеска: густая, темная вуаль повисла между мной и миром.

Перевод П. БЕРНШТЕЙН

Окончание следует

ЖЕВАЧКЕ — БОЙ!

Штефан РАЙСНЕР,
немецкий журналист

Сингапур — самый чистый в мире город с миллионным населением. Заботясь о чистоте, городские власти объявили крестовый поход против жевательной резинки.

Полицейские и таможенники врываются в лавку, где продается всякая мелочевка. Владелец лавки в ужасе замирает с совком, полным конфет, в поднятой руке. Не проходит и нескольких минут, как стражи порядка обнаруживают то, что искали: жевательную резинку.

Дело в том, что с начала этого года в городе-государстве запрещена продажа жевательной резинки. Задержаны уже пять нарушителей закона. Если они не покаются перед судом, на них будет наложен штраф в шесть тысяч марок (в пересчете с местной валюты). При неуплате штраф будет заменен годом тюрьмы.

Сингапурцы славятся своей любовью к чистоте и порядку. Здесь наказывают даже тех, кто не спускает за собой воду в общественных туалетах. Не избежит наказания и тот, кто небрежно изомнет свой билет в метро с нанесенными на него магнитными полосками для контроля. Само сингапурское метро сверкает словно операционная. Не стоит и говорить, что ни один хулиган здесь не посмеет исписать или разрисовать сверкающий хромом вагон метро.

Недавно министерство по охране окружающей среды спохватилось и обнаружило, что беда пришла откуда ее не ждали. Незамедлительно комочки использованной жевательной резинки были объявлены злейшими врагами государства.

Теперь сингапурские таможенники спрашивают каждого приезжающего в город о наличии у него не только спиртных напитков или порнографической литературы, но и жевательной резинки. Разрешена к провозу всего одна упаковочка на человека, а все, что сверх этой нормы, изымается и сжигается.

Столь крутые меры вызвали волну возмущения даже в самом Сингапуре. Владелец кондитерской фабрики объявил об увольнении 140 рабочих цеха, где производилась жевательная резинка. Подняли голос протеста и сингапурские мамы: «Почему это мой сын должен вырасти без того, чтобы хоть раз в жизни не попробовать вкус мятной жевачки?!» — написала одна возмущенная читательница в местную газету «Стрейтс таймс». Да и дантисты не отрицают некоторого положительного влияния на зубы обессахаренной жевательной резинки.

Ушлые спекулянты тут же стали припрятывать и продавать жевачку из-под полы за двойную цену. Торговля резинкой процветает и в школах. Жевать пока еще не запрещается, но никто, правда, не решается в открытую надуть пузырь и демонстративно дать ему лопнуть на собственном носу. А чтобы учителя не приставали с замечаниями, ученики всю жуют ре-

зинку в школьных туалетах.

Потом в дело вмешалась политика. Оппозиция задалась вопросом: а не является ли этот запрет нарушением прав человека?

Еще серьезней оказалась проблема с точки зрения внешне-политической. Она даже в какой-то степени омрачила визит в Сингапур Джорджа Буша. Как известно, США ликвидируют свои военные базы на Филиппинах, и Сингапур предложил Штатам свои услуги. В соответствии с этим решением несколько сот американских военнослужащих будут находиться

теперь в Сингапуре. Представитель Пентагона майор Келли уже сейчас выражает свою озабоченность: «Это что же, мы должны запретить нашим ребятам жевательную резинку?» Теперь, очевидно, в сингапурском порту темные личности будут шепотом предлагать: «Что угодно? Девочку или жевачку?»

Авторитетная газета «Фар ист икономик ревю» пишет: «Остается только удивляться сингапурским политикам, не отдающим себе отчет в том, какое значение имеет жевательная резинка в культурных традициях Америки».

Перевела с немецкого С. НАВТАРАДЗЕ

ВОЗВРАЩЕНИЕ СВЕТЛЯЧКОВ

Анна КУИНДЛЕН,
американская журналистка

Когда вам кажется, что родители напрасно подарили вам эту жизнь — бывают такие мгновения, — в минуты самого черного отчаяния, вспомните о светлячках. Эти светлячки у каждого свои, но они есть обязательно, потому что по их едва уловимому свету, как по маякам, прокладывает себе дорогу через поколения жизнь. А если вдруг вы еще не увидели своих светлячков, то знайте: нужно всегда быть готовым, чтобы не пропустить их.

О пять появились светляки. Пока еще совсем крошечные. Когда в сумерках лужайка превращается из зеленой в черную, можно увидеть, как они летают низко над землей. Если смотреть из окна, то кажется, что это мерцающие созвездия. Сначала мальчик их не видел. Потом вдруг разглядел:

— Мам, это же волшебство!

Вот почему я решила иметь детей: из-за светлячков. Несколько лет назад я наткнулась на анкету в журнале. Там был такой вопрос: Что побудило вас иметь детей?

- А. давление семьи
- Б. все так делают
- В. люблю детей вообще
- Г. из религиозных соображений
- Д. так подсказывали мои биологические часы
- Е. ничего из вышеперечисленного.

Я искала ответ о светлячках — ответ, который объяснял бы, что иногда мне хотелось встать у окна рядом с ребенком, показать ему светлячков и услышать:

— Мам, это же волшебство!

А так как ничего подобного в анкете не было, то я решила, что у меня очередной заскок, что я одна такая ненормальная, что никто, кроме меня, не имел таких незначительных мотивов для поступков столь важных. Но однажды вечером, когда светляки опять замигали вокруг нас, мой муж сказал:

— Точно. Я тоже поэтому хотел иметь детей.

Это был один из редких моментов полного единогласия в семье.

Мы, люди, наверное, вымирающие особи. Иначе зачем бы нам понадобилось превращать медленное, зачастую скучное время нашей жизни в несколько портретов в рамках да горстку фотографий. Говорят, что статуя Свободы маловата для такой огромной и разнообразной страны. Так и мы — храним наивные иконки, которые заменяют нам долгую, порой беспорядочную, жизнь. Девичья кофточка, свадебное платье, рисунок, сделанный в начальной школе, аттестат. Я смотрю в школьный альбом и по фотографиям и надписям подруг создаю картину, не имеющую ничего общего с настоящей моей жизнью тех лет. Вопрос вот в чем: хочу ли я помнить это время таким, каким оно действительно было, или таким, каким оно кажется мне теперь? Та чашка чая у Пруста — пробудила она его воспоминания или его фантазию?

Я знаю свой ответ. Светляки для меня — это то же, что аромат чая для Пруста, это спусковой крючок в избирательной памяти. Господи, как это было чудесно вчера, когда первые светляки зажгли свои «фонарики», соревнуясь с дневным светом в волшебный час между сумерками и темнотой. Я чувствовала себя, как археолог, который по осколку бедренной кости или по одной фаланге пальца может описать возраст, пол и даже рост и вес их обладателя.

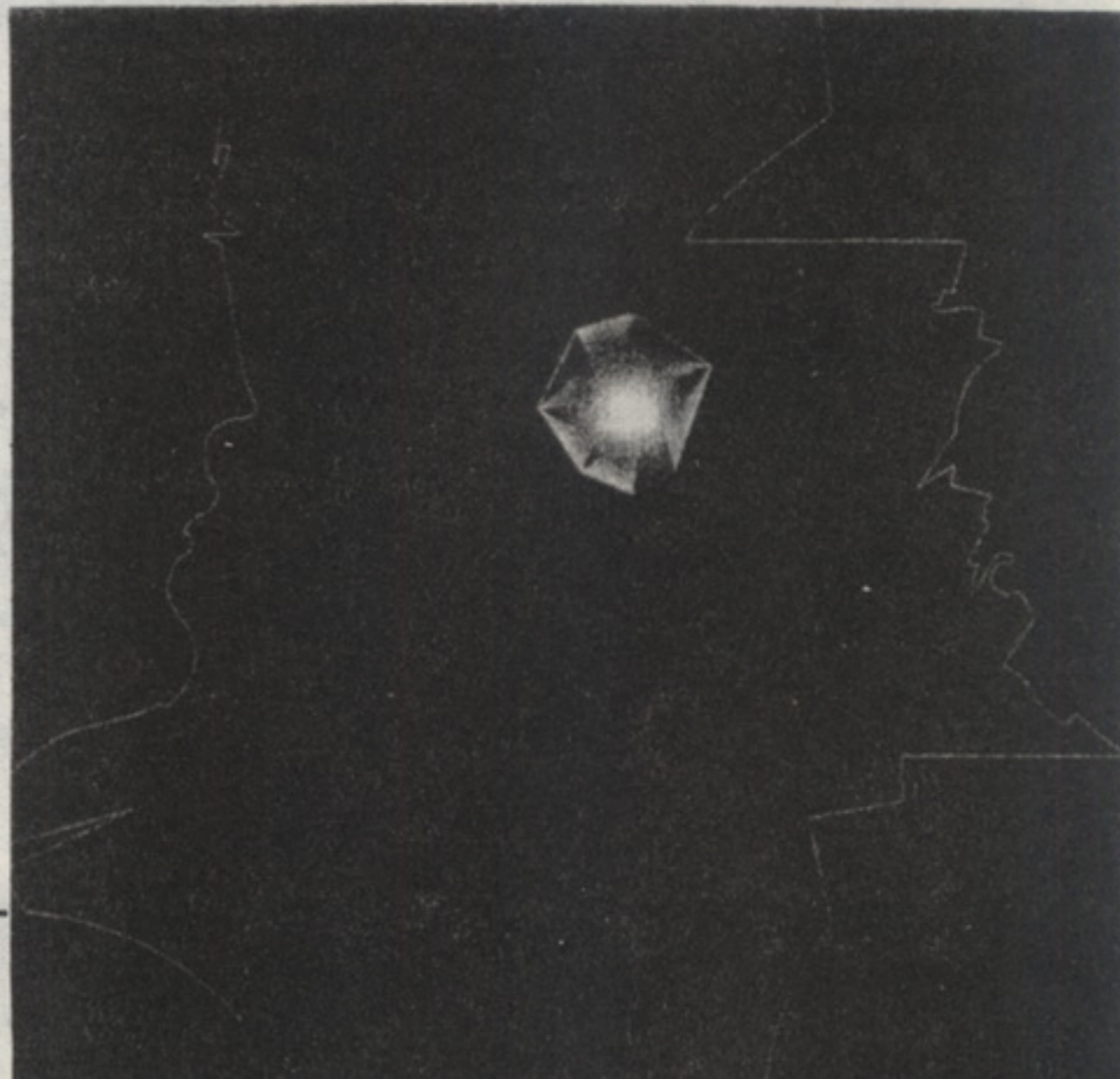
Так и у меня из этого крошечного светлячка возродилось мое детство. Теплая ночь под высокими деревьями. Квадраты освещенных окон вдоль улицы. Игра в мяч с соседскими детьми. Веселый дядя, продающий мороженое и газировку. Когда он открывал свой грузовик, из него шел замечательный белый дымок. Папы в майках сидят перед телевизорами и смотрят футбол. Мама на кухнях моют посуду. Из телевизоров доносится монотонный гул болельщиков. Мяч стучит по асфальту. Звенит колокольчик мороженщика.

Мы ловили светлячков и сажали их в пустую стеклянную банку. А старшие пресыщенные дети давили их прямо на дороге, и тогда на сером асфальте можно было видеть затухающие желто-зеленые мазки. Наши мамы говорили: «Выпустите их, а то они задохнутся». И вот, наконец, крепкий сон. Прохладные простыни. Никаких сновидений.

Мы были небрежны. Мы всегда забывали открыть банку. Утром они лежали на дне кверху лапками. Они были неожиданно тусклыми на ярком летнем солнце. Мы удивлялись и ужасались тому, что мы натворили. А вечером вытряхивали их из банки и ловили новых.

Вот поэтому я и решила иметь детей: я хочу подарить им чудесный сон о детстве, который будет жить в их сердцах, когда они вырастут — пусть даже они будут знать, что это лишь маленькая косточка из кем-то потревоженного тела. Я хочу, чтобы этот сон жил и в моем сердце. Я хочу еще раз пережить волшебство желто-зеленого мерцания, не освещая при этом ярким светом все свое прошлое. Мама, это же волшебство! — эти малюсенькие вспышки в темноте, созвездия нашего прошлого. Воображаемого прошлого, желанного прошлого, того прошлого, которое так хочется пережить снова.

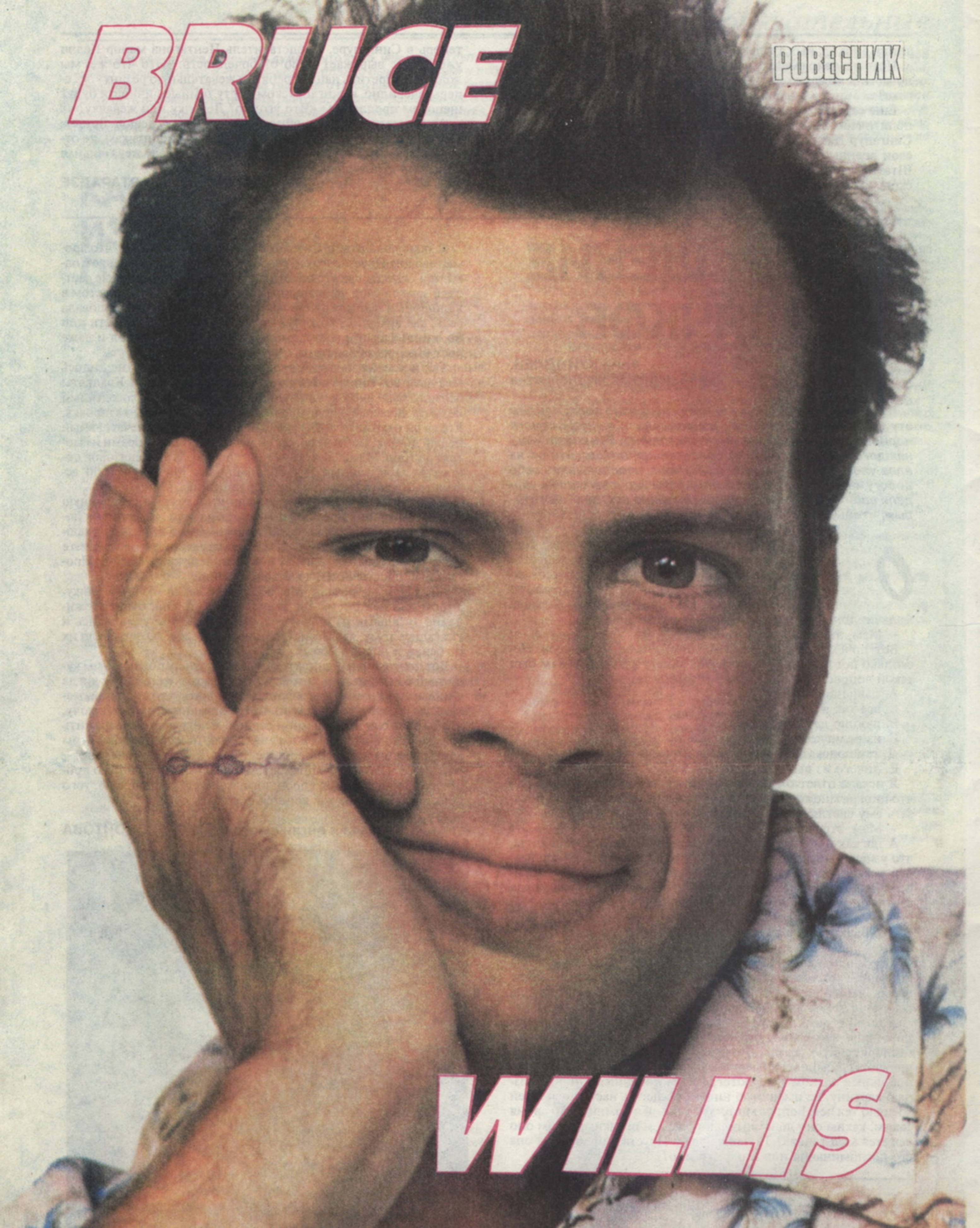
Перевела с английского Вера СТАРОВОЙТОВА

BRUCE

РОВЕСНИК

WILLIS

ЯСТРЕБОК

В последние годы в своих интервью, пожалуй, девяносто процентов голливудских актеров не преминут сообщить, что они: а) терпеть не могут деньги; б) терпеть не могут Голливуд; в) категорически против голливудского образа жизни и предпочитают жить со своей семьей где-нибудь в лесах; г) когда-то пили (вариант — принимали наркотики), но теперь перестали. Брюс Уиллис в своих интервью полностью укладывается в эту схему и даже идет дальше; д) терпеть не может работать и была б его воля — ушел бы из кино. На вопрос, почему не уходит, отвечает, что еще недостаточно заработал, от вопроса — сколько достаточно? — уклоняется.

Краткий очерк биографии: родился в 1955 году в Германии, отец — американский солдат, мать — немка. Когда срок службы отца кончился, семья вернулась в Америку, в Нью-Джерси, отец занялся семейным делом — у них была механическая мастерская, сыну тоже суждено было стать механиком. Он им и стал. Еще водил грузовик, работал официантом, ночным сторожем и т.п. А перемене в «предназначенной судьбой» Брюс Уиллис обязан... физическому недостатку, мучившему его с детства: дело в том, что он заикался. «И чтобы ребята надо мной не смеялись, я намеренно в каждой новой компании становился клоуном — пусть смеются над моими кривляниями и шутками, а не надо мной. Мне все это дело так понравилось, что в результате я поступил в школу драматического искусства. Просто так, на всякий случай... И — чудо: после нескольких занятий я так поверил в себя, что перестал заикаться». После этого же в душе провинциального механика разгорелась настоящая страсть к театру.

Он отправился в Нью-Йорк и десять лет работал там в две смены: днем и вечером — в маленьких театриках, по ночам — барменом. «Спрос на меня как на бармена был нудя выше, чем как на актера, и только в 1984 году я смог позволить завести себе агента, который и представил меня в Голливуде». Уиллис сразу же получил небольшую роль в телешоу «Халтура», но шоу это держалось на экранах четыре с половиной года, и за это время Америка успела влюбиться в этого достаточно грубоватого и агрессивного мужчину с фигурой тяжеловеса. Потом началось настоящее кино: «Свидание вслепую», два «Крепких орешка», «Гудзонский ястреб», «Смертельные мысли», «Билли Батгейт», «Последний бойскаут».

Однако есть угроза, что вот зарабатывает достаточно — и уйдет!

П. ВАГИНА

THE BUTCHER'S WIFE

ЖЕНА МЯСНИКА

США. 1992 г. 1 ч. 40 мин. Реж. Терри Хьюз. В ролях: Деми Мур (Марина), Джефф Даниелз (доктор Алекс Тремор), Джордж Даундза (Лео Лемне), Фрэнсис Мандорланд, Маргарет Коллин, Мэри Стинберген и др.

Живет себе в американской глубинке милая женщина Марина, обладающая способностями к ясновидению, и ждет своего прекрасного принца. И он является — в виде владельца мясной лавки из Нью-Йорка Лео Лемке. Внутренний голос говорит Марине, что это и есть герой ее мечты, и она выходит за него замуж и переезжает в Нью-Йорк. И тут-то выясняется, что внутренний голос, мягко говоря, наврал и что муж Марины — совсем не тот человек, да и Нью-Йорк наивной и правдивой провинциалке достаточно отвратителен. Но все кончается хорошо — как и положено в комедии.

США. 1991 г. 1 ч. 45 мин. Реж. Гас Ван Зант. В ролях: Ривер Феникс (Майк Уотерс), Кину Ривз (Скотт Фейвор), Джеймс Рассо, Уильям Ричерт и др.

Недавно по нашим киноэкранам прошел фильм «Аптечный новбой». Режиссер Гас Ван Зант и в этой своей работе продолжает ту же тему — тему неприкаянной юности, одиночества. «Мой личный штат Айдахо» — это немного грустный рассказ о жизни и дружбе двух молодых людей: Майка, уличного парня, страдающего нервным заболеванием, и Скотта, который тоже болтается по улицам, но который точно знает, что ждет его впереди — крепкое дело, унаследованное от отца. Оба не удовлетворены своим настоящим, оба отправляются в странствия, чтобы найти свое «новое я», и оба возвращаются к тому, с чего начали: что предопределено судьбой, не изменишь.

МОЙ ЛИЧНЫЙ ШТАТ АЙДАХО

МОЙ ЛИЧНЫЙ ШТАТ АЙДАХО

WAYNE'S WORLD

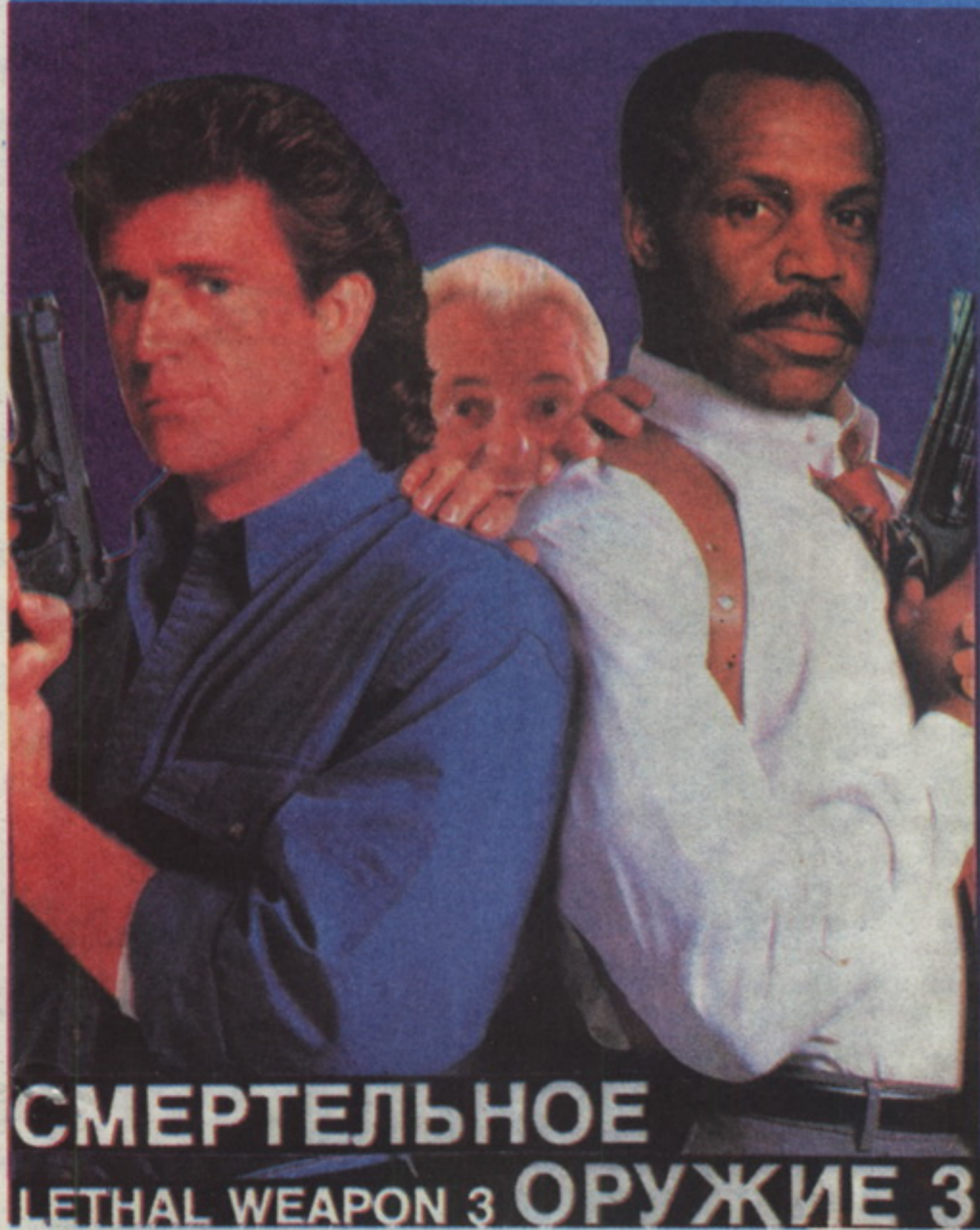
США. 1992 г. 1 ч. 45 мин. Реж. Пенелопе Сфирис. В ролях: Майк Майерс (Уэйн Кэмпбелл), Дана Карви (Гарт Элгар), Роб Лоуи, Тайе Каррере и др.

Подростковая комедия, которая, как считают критики, неминуемо станет «культовым» фильмом этого года, уже хотя бы потому, что в эпизодах появляются такие звезды рок-музыки и кино, как Элис Купер, Мит Лоуф, исполнитель роли «плохого» ниндзя в «Терминаторе 2» Роберт Патрини и др. Сюжет же ее как бы развился из десятиминутного регулярного телешоу, которое вели два молодых комика Майк Майерс и Дана Карви. Здесь они играют двух молодых парней, танцев ведущих свою телепрограмму, но в результате «втиснутых» в большой шоу-бизнес, над которым они хоть и пытаются лопызаться, да победить, увы, не могут.

МИР УЭЙНА

США. 1992 г. 1 ч. 57 мин. Реж. Ричард Доннер. В ролях: Мел Гибсон (Риггз), Дэнни Гловер (Мерто), Джо Пеши (Лео Гетц), Рене Руссо, Стюарт Уилсон и др.

И вновь встреча с замечательным, непредсказуемым и взрывным Мелом Гибсоном в роли полицейского Мартина Риггза и с его спокойным, достойным и выдержанным партнером Дэнни Гловером в роли Роджера Мерто... На этот раз друзья сражаются с новым набором злодеев (хотя Лео Гетц из предыдущих фильмов также присутствует). И основным злодеем оказывается бывший полицейский, жестокий и бессовестный Джек Трейвис в исполнении английского актера Стюарта Уилсона. И хотя сюжет занурен уже не так лихо, как в предыдущих двух фильмах, блистательная актерская команда делает свое дело — «Смертельное оружие 3» смотрится на одном дыхании.

СМЕРТЕЛЬНОЕ LETHAL WEAPON 3 ОРУЖИЕ 3

США. 1992 г. 1 ч. 48 мин. Реж. Бретт Леонард. В ролях: Диеф Фейхи (Джоуб Смит), Пирс Броснан (доктор Лоуренс Анджело), Дженни Райт, Марк Бринглсон, Джеффри Льюис и др.

Это — тоже фильм (двадцать первый по счету), в основу которого легло произведение Стивена Kinga. Герой его, ученый Лоуренс Анджело, изобретает прибор, который может помещать испытуемого в мир компьютерной реальности, при этом новая реальность, в свою очередь, влияет на мышление того, кто в нее помещен. В качестве «подопытной свинки» он находит скромного садовника Джоуба Смита. «Новая реальность» значительно повышает интеллектуальный уровень Смита, но в результате танне выходят на поверхность и дремавшие в его душе темные силы. За прибором охотятся и вполне реальные «темные силы» в лице представителей некой корпорации, которая хочет использовать его в своих целях... Фильм насыщен превосходными визуальными эффектами, да и сюжеты Стивена Kinga еще ни разу не обманывали ожидания зрителей.

ГАЗОНОКОСИЛЬЩИК

SLEEPWALKERS

ЛУНАТИКИ

США. 1992 г. 1 ч. 30 мин. Реж. Мин Гаррис. В ролях: Элис Кридж (Ма Брэди), Брайан Краузе (Чарльз Брэди), Мэдчен Эмик (Таня Робертсон), Джим Хайни, Синди Пинетт, Рон Перлмен.

И еще один фильм по Стивену Kingу! В маленький городок в штате Индиана приезжают новые жители, мама и сын Брэди, — милые, симпатичные люди, которые по ночам превращаются в... кошконрокодилов. А питаются исключительно юными девами. Местное кошащее население не оставляет сей факт без внимания и регулярно собирается на демонстрации протеста возле дома Брэди. А в Чарльза-дневного влюбляется хорошая девушка, которая стремится отучить его от дурных ночных привычек. Ма Брэди такого позволить не может и собирается подзанусить Таней. Но Чарльз, воскресший к новой жизни, натравливает на злобную маму кошен, и добро с пушистыми хвостами торжествует.